

ДАЛИША РЭЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ОЛИГАРХ ЖЕЛАЕТ ЖЕНИТЬСЯ

Далиша Рэй

Олигарх желает жениться...

«Автор»

2024

Рэй Д.

Олигарх желает жениться... / Д. Рэй — «Автор», 2024

Все девушки мечтают стать женой олигарха? Нет, не все. Лично я точно не хотела такого счастья. Всегда считала себя разумной особой, предпочитающей синицу в руках павлинам в райских садах богачей. Но одна встреча с восьмилетним мальчиком перевернула мою жизнь с ног на голову. Рыжий бесенок придумал, что его отцу нужна жена. Отец-олигарх решил, что его сыну нужна мама. И на обе эти роли они выбрали меня... И теперь мне предлагают подписать совершенно безумный контракт...

© Рэй Д., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	35
Глава 14	37
Глава 15	39
Глава 16	42
Глава 17	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Далиша Рэй

Олигарх желает жениться...

Пролог

Янис Славинов, миллионер из списка Форбс, пригласил меня в совершенно ужасный ресторан.

Был он стилизован под русскую избу с чучелом медведя в косоворотке, перепугавшим меня на входе. С идиотскими петухами, вышитыми крестиком, на шторках и скатертях. Еще и официанты в картузах и скрипящих при каждом шаге «а-ля хромовых» сапогах. Фу, пакость...

С другой стороны, своей кричащей нелепостью это место идеально гармонировало со всем, произошедшим дальше.

Это была не первая моя встреча с олигархом, до этого мы пару раз пересекались у нас в центре. Я даже была удостоена чести постоять рядом с ним, успев вывалить на его идеально подстриженную голову ворох вопросов и требований.

Наверное, этим и запала в его олигархическую память – своей наглостью и нежеланием трепетать перед его персоной.

Хотя да, персона просто давила своей бешеной энергетикой мощного, очень опасного и уверенного в своей силе хищника. Вызывала и трепет, и желание стоять, вытянув руки по швам, и преданно глядеть ему в рот.

По крайней мере, директриса нашего центра только так и смотрела на господина Славинова – обожающе и заискивающе одновременно. А потом, оставшись со мной наедине, вздыхала о том, какой же он красавчик.

Но мне вздыхать не хотелось, а хотелось засунуть свой трепет в задний карман и потребовать от красавца-олигарха уделить мне время для беседы.

Засунула и потребовала.

А он уделил...

И вот мы сидели за столом в ресторане с отвратным интерьером. Я выложила свои вопросы и просьбы, а Славинов с равнодушным видом проигнорировал мои слова, словно не слышал.

Сидел и в упор, не скрываясь, рассматривал мое лицо светлыми глазами. Даже почти не ел, только выпил чашку кофе с пирогом. Потом заказал себе чай и продолжил меня рассматривать.

Под его настырным взглядом я вяло ковырялась в горшочке с пельменями, начиненными грибами, смущалась поднять глаза и все больше и больше злилась на происходящее.

Сюр какой-то. Абсолютная нелепость, под стать этому дурацкому ресторану...

Поэтому, когда владелец заводов, шахт, пароходов между двумя глотками чая из расписной чашки равнодушно произнес: «Я планирую на вас жениться, Мирослава», – даже смеяться не стала.

С умным видом покивала и ответила:

– Всю жизнь мечтала.

Олигарх мою шутку за шутку не принял и так же равнодушно согласился:

– Вот и прекрасно. Брачный контракт мой юрист пришлет вам на почту. Даниил будет рад.

– Подождите, – я восторженно выкатила глаза, – вы же пошутили на счет замуж. И при чем здесь ваш сын?

– Это была его идея – мне жениться на вас. Мальчику нужна мать, а вы нашли с ним общий язык. Конечно, я хорошо заплачу вам за это.

Я хрюкнула, пытаясь сдержать смех. Потом еще раз, уже громче, потому что меня распирало невыносимо.

И под потерявшим равнодушие взглядом богача, спонсора театров, зоопарков и что там еще у людей такого уровня, Яниса Славинова, я начала откровенно ржать.

Отсмеявшись, взяла свою сумочку и поднялась:

– Я два месяца названивала вашему секретарю с просьбой соединить с вами. И думала, что вы, наконец, соизволили ответить на мои просьбы встретиться и поговорить о вашем сыне. А вы зачем-то стебетесь.

Постояла несколько секунд, недружелюбно глядя в стальные глаза:

– Всего вам доброго, папа Даниила. Жду его, как обычно, в среду в десять ноль-ноль. И предупредите его охрану, что опаздывать нежелательно.

Успела сделать пару шагов в сторону дверей, когда в спину прилетело негромкое:

– Теперь у вас будет возможность видаться со мной очень часто, Мирослава. Завтра я заеду за вами после работы – поужинаем где-нибудь...

Глава 1

Даниил Славин, восьми лет от роду, появился в моей жизни так стремительно, что я даже не поняла толком, как это произошло.

Хорошо помню, что это была среда. Один из трех дней в неделю, которые я работала психологом в центре помощи людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Работала, можно сказать, на общественных началах. Потому что зарплата, которую здесь платили, была сравнима разве что с пособием по безработице где-нибудь в недоразвитой Камбодже. Если там существует такое пособие, конечно.

Однако отказаться от этой работы не могла, потому что мама считала, что этим я совершаю доброе дело. Гордилась мной и начинала сиять тихой радостью, когда рассказывала кому-нибудь, чем занимается ее дочь.

Огорчать маму своим увольнением я совсем не хотела, ей и так было очень сложно. Да и клиенты в центре у меня были интересные. Так что, отсутствие достойной оплаты за работу компенсировала удовольствием от нее.

Ну а деньги, на то чтобы не умереть с голоду, зарабатывала частной практикой в оставшиеся три дня недели, оставив один на отдых.

– Мирослава! – на пороге выросла внушительная фигура директора центра Татьяны Григорьевны Пупковой. – У тебя новый клиент!

– Татьяна Григорьевна, они у меня каждый день новые. Хоть бы кто надолго задержался, – проворчала я.

Директриса прикрыла плотнее дверь:

– Какое еще «надолго»? У нас муниципальный центр! Пять бесплатных сеансов и все, адью! Остальное за деньги, – и нахмурилась, недоумевающая, как я могла такую глупость сказать.

– Что за клиент? – с усталым вздохом поинтересовалась я, чтобы увести начальницу от темы денег, все время ее мучившую.

– Новый. Очень перспективный, – вдруг заговорила начальница шепотом, заставив меня насторожиться.

– И?..

– За работу с ним мы получим спонсорскую помощь! Мальчику восемь лет...

– Нет! – отрезала я, даже не став дослушивать. – Вы же знаете, я не работаю с детьми. Галина Павловна – прекрасный детский психолог, вот и...

– Мирослава, они хотят только тебя! – рявкнула директриса. – Что за выкрутасы?! С детьми она не работает! У нас работают универсалы. И если ты не справляешься, то мы найдем, кем тебя заменить!

– Татьяна Григорьевна! Чтобы меня заменить, нужно сначала найти того, кто за эту зарплату будет работать, – я с досадой закатила глаза.

Такие разговоры у нас случались с частотой раз в пару месяцев и обычно заканчивались моей победой. Однако сегодня начальница закусил удила и отрезала, заставив меня напрячься в нехорошем предчувствии:

– Не обольщайся своей незаменимостью, Мирослава. У меня вон племянница диплом уже пишет. Через три месяца выйдет готовым специалистом-психологом. Ей твое место идеально для наработки опыта подойдет!

И добавила металлическим голосом:

– Короче, хватит выпендриваться! Тем более, мальчик уже здесь.

И пока я, стиснув зубы, пыталась себя успокоить, выглянула за дверь и засюсюкала:

– Проходите, проходите! Мирослава Юрьевна уже освободилась и готова принять молодого человека.

В кабинет, печатая шаг, вошли двое огромного размера мужчин с чеканными лицами. Между ними покорно, словно барашек на убой, шел мальчик. Рыжий, очень худенький, с прозрачной кожей и вытянутыми к вискам глазами с ярко-зеленой, обведенной темным, радужкой.

Зайдя, он посмотрел на меня ровно так, как смотрят на пустую стенку, и вежливо произнес:

– Я не буду вам ничего рассказывать...

Вот так я первый раз и увидела Даньку.

Он, и правда, не стал со мной разговаривать – сел на диван и закрыл свои удивительные глаза, сложив руки на коленях.

Подождав немного, я поинтересовалась:

– Ну, хоть скажи, как тебя зовут.

Послушав ответное молчание, не стала продолжать, потому что понятия не имела, как поступать в такой ситуации.

Конечно, на тот случай, когда клиент уходит в глухую молчанку, существуют специальные протоколы. И будь передо мной взрослый, я бы действовала по ним.

Но до рыжего молчуна у меня был всего один клиент моложе семнадцати лет, и детских инструкций я просто не знала. Да и в том, единственном случае, я работала с ребенком, как подсказывало сердце, а не по схеме.

Поэтому в некоторой растерянности включила чайник и, пока он грелся, сообщила рыжему:

– Если что, меня зовут Мирослава Юрьевна, и я понятия не имею, что сейчас делать. Дети – не мой профиль. Поэтому предлагаю попить чаю, да и разойтись по своим делам. Через пять сеансов ты будешь абсолютно свободен. Я ведь правильно поняла, что тебя сюда силком привели?

Рыжий не отвечал, все также сидя с закрытыми глазами, словно прислушивался и при-сматривался к чему-то, происходящему внутри него. Только когда я начала заливать заварку с травками кипящей водой, произнес:

– На меня тоже сделай чай, Мирослава. Только без мяты, пожалуйста.

Я цокнула языком:

– Поздняк. Я уже кинула несколько листочков в заварку. Но у меня есть чай в пакетиках. Будешь?

– Никогда не пробовал чай в пакетиках, – прозвучало совсем рядом, и я вздрогнула, когда только он успел перетечь с дивана к столу?

Я выдала мальчишке коробку с целой коллекцией пакетиков, скопившейся у меня за последнее время. Рыжий долго и сосредоточенно в них копался, рассматривая каждый чуть ли не под микроскопом. А выбрав, вежливо попросил:

– Покажи мне, как его заваривать, пожалуйста. Я никогда сам не делал.

После мы сидели, я на диване, он почему-то за моим столом, и молча пили каждый свой чай.

Уходя, рыжий вежливо попрощался, и я подумала, что вряд ли снова его увижу.

Святая наивность. Тогда я еще не знала, что очень скоро по наводке этого бесенка, его отец включит меня в круг «близких» людей. Включит и начнет принимать меры, чтобы я не смогла из него удрать.

Глава 2

– Ты когда освободишься? – Димин голос звучал строго и обиженно одновременно. – Суббота, между прочим. Хочется сходить куда-то, отдохнуть.

– Дим, ты же знаешь, что суббота и воскресенье у меня самые рабочие дни. Сегодня до восьми, – я устало потерла лоб, головная боль донимала с самого утра, тонкими буравчиками вкручиваясь в виски и не давая спокойно дышать.

Пара закинутых в организм таблеток совершенно не помогла. Поэтому я тупо пила сосудорасширяющий чай и мечтала, чтобы у меня была запасная голова, которую можно прикрутить к шее взамен болезной.

– Мира, ты совсем не думаешь обо мне, – повысил голос Дима, и буравчики в моих висках завертели еще активнее. – Что у нас за отношения, если ты все время на работе?

– Почему все время? На прошлой неделе мы с тобой ходили на футбол, – напомнила я. – Послезавтра у меня выходной, можем сходить еще куда-нибудь. На бокс?

– Послезавтра понедельник, и я работаю! – теперь Дима говорил сухо, словно я была одним из его менеджеров, не сделавших в этом месяце плановых объемов продаж.

Дима был начальником отдела мелкого опта в компании, занимающейся перепродажей всего на свете, от детских подгузников до минеральных удобрений. Должностью он гордился и к своей работе относился с большой ответственностью. Как, впрочем, и я к своей.

Наш роман длился уже почти год и поначалу резво продвигался вперед, приближаясь к стадии, когда можно задуматься о совместном проживании.

Но в последнее время как-то стух, и наше общение больше сводилось к разговорам по телефону, чем к личным встречам. То я работала допоздна, то у Димы командировка или встреча с перспективным клиентом...

Меня это печалило, но что-то исправить я была не в силах.

– Мирослава, – напомнил о себе Дима. – Так дело не пойдет. Твой образ жизни противоречит здравому смыслу. Ты работаешь на износ и тем самым не даешь развиваться нашим отношениям.

– Почему не даю? – тупо спросила я. Головная боль, наложенная на разборки с бойфрендом, совершенно не способствовала обострению мыслительных процессов.

– Потому! Мы с тобой почти не видимся. А если все-таки встречаемся, то ты вечно уставшая и хочешь спать. А я мужчина!

– Ты мужчина, – подтвердила я, не желая спорить о таких тонких материях. – Только при чем здесь мой график работы?

Честно говоря, больше всего мне хотелось не разборками заниматься, а прилечь и поспать полчаса, пока у меня было «окно» между клиентами.

– А раз я мужчина, то мне нужна женщина! – словно не слыша моего вопроса, продолжил Дима.

Я усмехнулась, похоже, он заранее приготовился к этому разговору, потому что все слова звучали очень торжественно и складно, словно их читали по бумажке. Жаль, некоторые мои вопросы не попадали под составленный текст.

Дима часто репетировал свои выступления перед потенциальными клиентами. Обдумывал их возможные вопросы и варианты своих ответов. Записывал и много раз с выражением перечитывал.

– Ты поняла меня, Мирослава? Нормальная, правильная женщина!

– Нормальная? – переспросила я, начиная раздражаться, опять он поднимает тему моей женской неправильности. Объяснил бы лучше, что это такое, чем все время упрекать в этом грехе.

– Да, нормальная! Которая думает о моем удовольствии, а не о работе! – он замолчал и чем-то зашуршал у себя там. Наверное, перелистывал странички с текстом своих претензий.

– Дима, в прошлый раз ты утверждал, что нормальная женщина – это та, у которой дома полный ящик сексуального нижнего белья, – я попыталась подавить злость и пошутить.

По-прежнему меня не слыша, Дима тяжело вздохнул и продолжил:

– В общем, так, Мирослава. Или ты подстраиваешься под мой рабочий график, или...

– Или?.. – головная боль начала усиливаться, вызывая желание постучать лбом о стену в надежде выбить ее из головы. А еще захотелось попросить Диму заткнуться и высказать свои претензии в другом месте.

– Или нам придется расстаться! – очень торжественно, почти пафосно объявил Дима. Очевидно, эту строчку он репетировал особенно тщательно.

Или полагал, что от его высокопарного тона я раскаюсь и начну вести образ жизни правильной женщины, обладательницы исключительно сексуального белья и мыслей о его, Димин, удовольствии?

– Дим, я не могу мало работать. Ты знаешь почему. А работать по чуть-чуть и при этом зарабатывать много у меня не получается. Никак не получается, – в сто пятый, наверное, раз попыталась разъяснить ему положение вещей.

– Мира, – его голос вдруг смягчился и зазвучал почти нежно, – деньги на операцию твоей маме с такими заработками тебе все равно не собрать. Подобная процедура в коммерческой медицине – это очень, очень дорого. Так что, сколько ни впахивай, нужную сумму ты не соберешь.

– Ты предлагаешь мне сложить руки, и просто ждать, пока она умрет? – меня начало затапливать бешенство.

– Нет, конечно! – Димин голос зазвенел от возмущения. – Я предлагаю спокойно ждать, пока подойдет ее очередь на донорский орган и верить в лучшее.

– Дима, очередь до мамы может и не дойти, там на несколько лет вперед расписано. Велика вероятность, что она просто не дождется, понимаешь? – я сжала виски, потому что головная боль грозила окончательно съесть мозг. И этот бессмысленный разговор раздражал неизменно.

Дима тяжело вздохнул и опять чем-то зашелестел.

– Я ведь о тебе волнуюсь, моя девочка, – после паузы добавил еще мягче и нежнее, почти заставив меня чувствовать себя неблагодарной дрянью, не ценящей заботу. – Ты должна думать о нас. Обо мне, о себе и своей жизни.

– Дима, это и есть моя жизнь – сделать все, чтобы помочь своей маме. Попробуй услышать меня! – попросила, уже понимая, что разговариваю с пустотой, Дима совершенно точно не хотел знать, о чем я ему толкую. Ему нужно совсем другое – «правильная» женщина для «нормальных» отношений. И он пытался получить это от меня.

– В общем, так, Мирослава. Тебе самой решать, вместе мы или нет, – подытоживая, произнес он жестко. – Если да, то жду тебя сегодня в семь часов у себя дома. Если не приедешь, пеняй на себя.

– Все. Надеюсь на твое благоразумие и на твое «да», – и сбросил звонок.

Я отложила умолкший телефон на край стола. Подперла ладонью подбородок и, словно Дима еще мог меня слышать, грустно ответила:

– Нет...

Обняла себя за плечи и сложилась пополам. Уткнулась лбом в столешницу, чувствуя, как прохлада полированного дерева остужает мой закипевший мозг.

Интересно, что со мной не так, если все, что от меня нужно мужчине – чтобы я носила сексуальные трусы и подстраивала свою жизнь под его рабочий график?

Или я изначально выбираю не того мужчину, с кем возможно что-то серьезное?

– О-хо-хо... – я выпрямилась, с блаженством ощущая, что головная боль вдруг начала отступать. Не уж то, таблетки, наконец, подействовали?

Божечки-ложечки, хорошо-о! Как, оказывается, мало мне надо для счастья – всего лишь утихшая головная боль!

Ну а что с Димой мы, кажется, расстались... Об этом я еще успею поплакать. Но точно не сейчас. Сейчас мне надо работать!

Взяла в руки телефон, собираясь позвонить маме, и в этот момент экран вспыхнул:

«Заеду за тобой в восемь», – пришло сообщение с незнакомого номера...

Глава 3

Я повертела в руках телефон, перечитала сообщение. Похоже, Дима решил отменить свой ультиматум. Точно в его стиле, погорячится, наговорит разного, а потом резко остывает. И опять становится милым и внимательным Димой.

Только вот номер телефона незнакомый... Может, он со своего рабочего отправил сообщение. Тот номер я так и не удосужилась сохранить к себе. Или просто кто-то ошибся, перепутав адресатов.

Отложила телефон, встала и принялась ходить по кабинету, разминая затекшие от долгого сидения ноги. Остановилась у окна, где на подоконнике стояла яркая коробочка с чайными пакетиками, и в памяти всплыл рыжий Даниил Славин.

... На второй сеанс он опоздал. Когда часы показали, что до конца назначенной консультации осталось двадцать минут, я со странным сожалением выдохнула – значит, все-таки не придет больше.

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинете появился рыжий. Мальчишка бережно прижимал к груди небольшую яркую коробочку и снова смотрел на меня как на пустую стенку.

– Привет, – поздоровалась я. – Думала, ты больше не придешь.

Не отвечая, он протянул мне коробку:

– Здравствуй, Мирослава. Это тебе, какой-то особый чай. Папа привез сегодня из Китая. Он мне рассказывал, что в нем такого, только я не очень хорошо понял. Но папа сказал, что тебе понравится.

– Откуда такая уверенность? – мне вдруг стало весело. – Ему же ничего не известно про мои вкусы.

Словно не слыша моего вопроса, мальчишка сам включил чайник и полез на полку, где стояла коробочка с чайными пакетиками.

– Ничего, что я сам взял? – поинтересовался запоздало, когда уже копался в них, все так же сосредоточенно, как в прошлый раз.

– А сам, как думаешь? – кивнула я.

– Да, ты права, Мирослава. Я все время забываю, что мне не все можно, – он вздохнул, но коробку на место не поставил.

Предложил:

– Давай, тогда сначала? Я спрошу, а ты разрешишь. Ведь так правильно поступать? Папа часто напоминает мне о правилах.

Я хмыкнула:

– А если не разрешу?

Мальчишка завис на некоторое время, а потом осторожно поинтересовался:

– Почему не разрешишь? Ты невежливая? Или жадная?

Я вздернула бровь:

– Может и так, невежливая или жадная. Или еще есть какая-то причина. Что будешь делать, если я не дам разрешения?

И тут бесенок взял и улыбнулся. Да так, что в ответ мои губы сами разъехались до ушей и остались там, никак не желая съезжаться обратно! И еще появилось желание разрешить ему все-все, что только он попросит!

– Меня зовут Даниил Славин, мне восемь лет, и у меня проблемы с адекватностью, – глядя мне в глаза, добавил рыжий, окончательно добив меня своими словами...

На третью консультацию он принес шахматы.

– Ты умеешь играть, Мирослава? – поинтересовался, расставляя на доске фигурки. – Если не умеешь, я могу тебя научить.

– Я знаю цель и правила игры. Но почти не играю, – призналась честно.

Данька внимательно посмотрел на меня и одобрительно кивнул:

– Главное, что у тебя есть цель, и ты знаешь правила. Остальное неважно, Мирослава.

Да, цель и правила...

Действовать по моим правилам Даниил Славинов отказывался напрочь. Зато очень ловко и умело пытался проталкивать собственные. И мне было до странности интересно работать с этим восьмилетним Ходжой Насреддином, умеющим обвести вокруг пальца хоть осла, хоть падишаха. (*)

Ну а цель... О ней я узнала много позже, когда его папа, наконец, соизволил встретиться со мной для личной беседы. Узнала вчера, в том отвратительном ресторане с медведями и вышитыми петухами...

– Можно, Мирослава Юрьевна? – в приоткрытую дверь робко проснулась лысоватая мужская голова.

– Заходите, Алексей Степанович, – пригласила клиента, отодвигая на потом все мысли о рыжем хитрюге. – Как ваше самочувствие?

Мужчина устроился в кресле и, уставившись на меня немигающими птичьими глазами, скрипучим голосом произнес:

– У меня все хорошо, Мирослава Юрьевна. Но вот знаете, сегодня ночью я вдруг понял одну вещь...

Через полтора часа, проводив Алексея Степановича, я со стоном облегчения скинула узкие туфли и без сил вытянулась на диване. Глянула на часы – пять минут девятого. Значит, то сообщение было от кого-то другого, не от Димы.

Дима никогда и никуда не опаздывал. И если бы это он написал, что заедет за мной в восемь, то уже был бы здесь...

Я закрыла глаза и чтобы не расплакаться от усталости и разочарования, принялась мечтать о том, как будет хорошо прямо сейчас очутиться где-нибудь на белоснежном песочке на Карибах. Или на Бали, там, кажется, песок, наоборот, черный. Или на...

Домечтать не успела, потому что дверь решительно распахнулась, и в кабинете, наполнив его до отказа своей рослой фигурой и бешеной энергетикой, возник олигарх Янис Славинов.

Неспешно огляделся и, встретив мой изумленный взгляд, направился в нашу с диваном сторону. Подошел вплотную, навис сверху и, глядя на меня внимательными глазами, хищно улыбнулся:

– Я планировал, что сегодня мы с тобой просто поужинаем, Мирослава. Но вижу, ты уже готова перевести отношения на горизонтальный уровень. Возражать не буду, – и с ухмылкой принялся расстегивать пиджак.

(*) отсылка к книге "Повесть о Ходже Насреддине" Л.В.Соловьева

Глава 4

Я лежала и замороженно смотрела, как пальцы мужчины неспешно вынули из петли первую пуговицу. Затем так же спокойно перешли ко второй.

Расстегнув ее, отвели назад полу пиджака и медленно забрались в карман брюк. Вынули белоснежный носовой платок и медленным движением смахнули им пылинку с лацкана пиджака.

После чего олигарх, холодно глядя мне в глаза, вернул платок обратно в карман и небрежно поинтересовался:

– Так и будешь лежать, спящая красавица? Или мы, и правда, перейдем на новый уровень знакомства? Повторюсь, я не против, – и вдруг начал скользить по моему телу неспешным, оценивающим взглядом.

Спустился на шею. Ощупал грудь, надежно прикрытую плотной блузкой. Чуть задержался на животе и бедрах и скользнул к краю откровенно задравшейся юбки. Брезгливо оглядел мои колени под телесными колготками и переполз к ступням с нервно поджавшимися пальцами. Затем медленно, словно нехотя, вернулся к лицу и замер на губах...

Я медленно, не отрывая взгляд от рассматривающих меня глаз, села. Потом встала. Приподнялась на цыпочках, потому что не доставала олигарху даже до носа, и прорычала ему в лицо:

– Вы что здесь забыли?

Славинов молчал и продолжал смотреть на меня. А я на него. Потом он мягко подался вперед, так что почти коснулся моей груди. Наклонился и, обдав висок теплым дыханием, негромко произнес:

– У тебя отличные духи, Мирослава. Собирайся, поедem ужинать.

Вспыхнув, я резко дернулась назад. Врезалась в попавший под колени диван, зашаталась и, нелепо замахав руками, начала заваливаться на спину.

Олигарх одной рукой поймал меня за талию, второй схватил за запястье и дернул к себе. Да так, что я вlepилась лицом ему в грудь, вдохнув запах его туалетной воды и посадив на рубашку смачный отпечаток помады.

Упс! Так тебе! И даже не подумаю извиняться!

– Упс, ты испортила мне рубашку. Любимую. Можно сказать, самую любимую, – прозвучал над макушкой холодный олигархический голос. – Что будем делать, уважаемая Мирослава Юрьевна?

– Сдадите в химчистку или выкинете! – я попыталась оттолкнуть прижимающуюся ко мне мужскую грудь и снова чуть не свалилась.

Все-таки быть зажатой между олигархом и диваном не самая выгодная в стратегическом плане позиция.

– Выкинуть не могу. Говорю же, любимая рубашка, – все так же холодно сообщил миллиардер, снова поймав меня за талию и крепко удерживая возле себя. – Но уверен, ужин в твоей компании поможет мне пережить боль от ее потери. Собирайся, Мирослава, я же предупредал, что заеду за тобой в восемь.

– Ничего не знаю! И мы с вами не переходили на «ты»! – рявкнула я и, оттолкнувшись от него, шлепнулась попой на диван. Уж лучше буду сидеть и смотреть на него снизу вверх, чем стоять, неприлично к нему прижимаясь.

– Так давай, перейдем. Какие могут быть формальности между близкими людьми? – олигарх, как ни в чем ни бывало, повернулся ко мне спиной, засунул руки в карманы брюк и принялся спокойно бродить по кабинету, рассматривая обстановку. А я, злясь и удивляясь, гладела на него.

Что еще за «близкие люди»? И, вообще, что ему здесь надо, а? Как такой, как он, мог тут оказаться?

На фоне бежевых стен, выкрашенных дешевой краской, и мебели из Икеи этот холерный, одетый в дорогуший костюм и пахнувший роскошным парфюмом мужчина выглядел невыносимо чужеродно. Словно король какой-нибудь супердержавы вдруг решил прогуляться по деревенской улице с ее покосившимися заборами и спящими в пыли курами.

Опять сюр какой-то!

Славинов подошел к стене, где в рамочках висели мои дипломы. Начал их внимательно изучать и как будто одобрительно кивать. Повернулся и сообщил серьезным голосом:

– Впечатляет.

– Я счастлива, – съязвила я, наклонившись и нашаривая туфли, успевшие закатиться далеко под диван.

– Помочь? – перед моим лицом очутились ботинки из дорогой кожи и брюки с идеальными стрелками.

– Обойдусь, – я, наконец, распрямилась, держа в руках злополучные туфли. – А вам пора на выход, уважаемый.

– Ответ неверный, Мирослава. Надевай туфли, и поехали. Я заказал нам столик в хорошем месте.

– Таким же хорошим, как в прошлый раз? С петухами и медведями? – не удержалась я от ехидства. – Я потом полночи не спала – все мерещился этот кошмар.

Олигарх довольно хмыкнул:

– Еще одно очко в твою пользу, Мирослава, у тебя есть вкус.

– А вот у вас его, похоже, нет совсем, – я, наконец, втиснула ноги в свои лодочки и встала. На всякий случай шагнула подальше от дивана и показала рукой на дверь:

– Вам пора, господин Славинов.

– Янис. Ты ведь знаешь, как меня зовут.

– Не знаю, и знать не хочу, – отрезала я, начиная все больше злиться. Я устала, хотела есть и спать, нервничала из-за присутствия этого мужчины. – Для меня вы папа Даниила, не более того. И ваше имя мне совершенно ни к чему. Особенно если учесть, как отвратительно вы относитесь к своему сыну.

Миг, и меня схватили, развернули и с силой вдавили спиной в стену. По бокам от моей головы впечатались мужские ладони. Нависнув надо мной и глядя так, так что у меня мороз побежал по коже, Славинов сквозь зубы процедил:

– Что ты можешь знать обо мне и моем сыне, маленькая самонадеянная психологиня? О наших с ним отношениях... Мнишь себя профи, читающим в людских душах? А?

Трясаясь, как в ознобе, я вскинула голову и уставилась в его побелевшие от ярости глаза. Собралась с силами и зашипела:

– Читаю! Что еще мне остается, если я не знаю, кому мне задать вопросы о вашем сыне? Вашем сыне! Не моем!

– Вот именно, моем! И я сам решу, кому и что рассказывать про него. И когда...

Он замолчал, не отводя от меня полыхающего бешенством взгляда, и меня начала накрывать паника. Замерев, я смотрела в жесткие, светло-голубые глаза и думала о том, что мы тут совершенно одни, и я беззащитна перед ним. Он крупный, сильный мужчина, а я женщина. Не слишком спортивная, и ростом ему по плечо. И он в ярости, а я...

– Не трясись, паникерша. Женщин и детей я не обижаю, – вдруг спокойно произнес Славинов и выпрямился. Отодвинулся от меня, дав облегченно выдохнуть, и добавил:

– На ужине ты сможешь задать любые вопросы про Даньку. Обещаю, отвечу на все... Поехали уже, а то я, и правда, скоро озверею от голода.

– Или от тебя, психологиня, – добавил негромко.

Глава 5

Янис Славинов

Психологиня молчала. Стояла и смотрела на меня круглыми глазами, в которых мешались испуг, злость и недоумение. И что-то еще, чего я пока не распознал.

Я тоже молчал и смотрел.

Странно, но разглядывать ее было... приятно. Хотя вообще не в моем вкусе девица – ни груди, ни ног, ни роста, как я люблю. Но вся такая... ладненькая, что ли.

Невысокая, неприметная, без сделанных губ и ресниц веером. Скромная. Очень серьезная. Хотя язвить и выпускать колючки умеет отлично, в этом я уже убедился. И глаза красивые – зеленые, какие-то сказочно-нереальные.

– Ну что, Мирослава, едем разговаривать про Даниила? Или боишься? – спросил, испытывая странное желание подначить ее.

– Нет, – помотала головой и замолкла, раздумывая.

Я про себя усмехнулся – неужели откажется? Тоже странность, шарахается от меня, словно я монстр какой-то.

Хотя, когда ей было нужно со мной поговорить, весьма решительно обрывала мне телефоны, доводя мою секретаршу до нервной икоты. Не скромничала ведь и не боялась.

Да и слова про мое отношение к сыну выпалила мне в лицо, совершенно не думая о последствиях. И попала точно в больное место. Взбесила меня, конечно, будто я сам не знаю, что так себе отец для Даньки... Но я собираюсь исправиться, и ты мне в этом поможешь, госпожа психологиня.

– Что «нет», Мирослава Юрьевна? – сам не знаю, для чего продолжал цеплять ее. – «Нет, не боюсь»? Или, «нет, не поеду»? А может, «нет, не хочу ничего знать про вашего сына»?

Психологиня нервно облизнула губы в бледной помаде, отпечатавшейся на моей рубашке, и полыхнула на меня своими ведьминскими глазищами.

– Узнать про Даню хочу. А ехать в ресторан – нет. Мне домой надо.

– Зачем? У тебя ведь ни мужа, ни детей малых? – удивился я.

Задал вопрос и с изумлением понял, что психологиня натурально рассвирепела: зубки оскалила, глазами засверкала. Подобралась вся, шагнула вперед и как будто собралась вцепиться мне в лицо побелевшими пальцами. Отчаянная, похоже. Плевать хотела на разницу в весовых категориях.

Знать, попал я своими словами во что-то болезненное. Интересно, во что – отсутствующего мужа или в то, что нет детей? Вот так, Мирослава Юрьевна, не только вы умеете бить точно в цель и делать больно. Хотя, честно говоря, даже не собирался я никуда бить...

Удивительно, что она так задергалась от моих слов. Обычно женщины постарше переживают, если не срослось с мужиком или детьми. А эта выглядит совсем девчонкой, вроде все еще впереди должно быть.

В ее досье, конечно, была дата рождения, но я не обратил тогда особого внимания. Мне было без разницы, сколько ей лет. Психологиня была нужна для определенной цели, и возраст не имел значения.

Но сейчас все изменилось, и, пожалуй, ее анкету придется изучить заново. Очень внимательно.

– Мирослава, – попытался успокоить пыхтящую, как свирепый еж, девчонку. – Я знаю, что ты живешь с мамой. Мама у тебя... не очень хорошо себя чувствует. Так?

Глядя на меня с ненавистью, кивнула и хрипло выдавила:

– Так. И что?

– О делах твоей мамы мы тоже поговорим. В ресторане за ужином.

В темно-зеленых глазах мелькнуло что-то тревожное, сменившееся недоверием.

– Что вам за дело до моей мамы? – буркнула с отвращением.

– За десертом расскажу. Давай, пошли уже.

Застыла, неприязненно буравя меня глазами и явно борясь с желанием послать подальше. Вытолкать взашей и закрыть за мной дверь на три замка. А потом еще стулом подпереть, чтобы уж точно не вернулся. Боевой ежик, мля.

– Я... Мне маме позвонить надо. Предупредить, что задерживаюсь, – наконец выдавила из себя, сдаваясь. Да неужели?! Аллилуйя!

– Конечно, по дороге в машине позвонишь, – взял ее за плечи, развернул и легонько подтолкнул в сторону двери. – Шагай.

Поморщилась, засопела недовольно, но вещички собрала и пошла.

В коридоре, завидев мою охрану, Мирослава ни с того, ни с сего, испуганно дернулась. Сначала застыла, потом попятилась от шагнувших навстречу парней. Наткнулась на меня спиной и застыла. А я едва удержался от того, чтобы сунуть нос в темные с рыжиной волосы и начать вдыхать запах ее духов.

Еще одна странность – мне женские духи никогда не нравились. Все они или чересчур сладкие, или резкие, или цветочные. Или просто слишком... Всем любовницам я первым делом ставлю условие – никаких духов.

А эта...

Психологиня пахла... тоже ладненько. Вереском, одуванчиками и прогретым солнцем летним лугом. Что за парфюм такой?

В машине она негромко переговорила по телефону, улыбаясь невидимому собеседнику и настороженно косясь на меня. Закончив, отвернулась и уставилась в окно.

– Как мама? Не будет переживать? – поинтересовался я из вежливости и желания хоть немного успокоить этого ежика.

– Мама в порядке. К ней приехала подруга, и они решили уйти в загул, – отвернувшись от окна, психологиня вдруг хихикнула, словно проказливая школьница. – Мариша привезла какой-то волшебной наливки и пирог, испеченный по ее секретному рецепту. И теперь они на пару надираются и обедают под любимый сериал. Надеюсь, напившись, не начнут буяннить, и соседям не придется вызывать полицию.

Она повернула ко мне лицо и засмеялась:

– Мама и Мариша дружат с юности и время от времени вот так... кутят.

Я слушал и вдруг поймал себя на том, что засмотрелся на нее. Не отвечая, разглядывал ее смеющееся лицо, поражаясь тому, что делаю это.

Гладкая кожа, темные стрелки бровей. Румянец, словно бочок начавшего наливаться спелостью персика. Губы пухлые, и глаза распахнуты на меня...

Странно. Уже очень давно я не смотрел на женщину просто так. Без оценки и прикидок провести с ней более-менее интересную ночь. Или как на делового партнера. Хотя я предпочитаю не вести бизнес с женщинами. Не воспринимаю их в таком ракурсе.

Но и как женщины, бизнес-леди редко бывают мне интересны. И дело не во внешности – с этим у них, обычно порядок. Но нет в них той пластичности, текучести, что мне так нравятся в женщинах.

Нет этого волшебного женского умения быть неуловимой и неопределенной. Не предлагать себя, а ускользать, чаруя и завораживая этим. Огибать и мягко перетекать, а не идти напролом или сносить все на пути. Часто мужиков бесит эта женская неясность и неконкретность, а я всегда от нее тащился... Интересно, есть ли в тебе это, колючка Мирослава?

Хотя вряд ли. Не с твоей профессией быть текучей и неопределенной. Да и встречаются такие женщины в последнее время все реже и реже. А те, кто вдруг появляется на моем гори-

зонте, уже чьи-то, их успели захватить до меня... Нынче такой товар в высокой цене, потому как редкостью стал... По крайней мере, в моих кругах.

Хотя я и не стремился такую себе искать. Посмотреть, со стороны полюбоваться – и достаточно. Меня вполне устраивает общество на все согласных, идеально тюнингованных красавиц, с которыми и в постели не скучно, и на людях появиться можно.

И то, что у них в глазах нет ничего, кроме калькуляции моих банковских счетов, меня тоже устраивает – схема «товар-деньги-товар» прекрасно работает в личной сфере.

Мне эта схема абсолютно подходит – как только очередная красавица начинает утомлять, ее сменяет новая, обычно еще моложе и краше предыдущей. Удобно и просто. Сложностей мне в жизни и так хватает, чтобы еще и с женщинами заморачиваться.

Но вот что ты из себя представляешь, нахальная колючка-психологиня, мне еще предстоит узнать.

Хотя, зачем мне это, если наши с тобой отношения тоже будут строиться в рамках товарно-денежных? Я тебе деньги, ты мне товар.

Главное, что товар стоит тех денег, которые я готов за него заплатить. За тебя заплатить, ежик Мирослава Юрьевна.

Глава 6

Олигарх опять привез меня в кошмарный ресторан.

Нет, петухов и косовороток на этот раз не было. Зато была неброская, и оттого еще более впечатляющая, роскошь.

Были дамы в вечерних нарядах и бриллиантах. Мужчины в смокингах и с часами стоимостью как наша с мамой квартира вместе с мебелью и нами обеими в придачу...

Было сияние хрустальных люстр и запах полироли для драгоценного паркета под ногами. Ослепительная белизна скатертей, позвякивание дорогого фарфора и негромкая классическая музыка в исполнении квартета музыкантов.

И я, в измятой за долгий рабочий день блузке и с сумкой из искусственной кожи.

Прелесть, как мне было комфортно...

Надо отдать Славинову должное, на контраст моего внешнего вида и окружающего великолепия он вообще внимания не обращал. Словно не видел его. Или ему было плевать, как я выгляжу. Скорее, первое – такие люди обычно видят только себя... Хотя был вполне галантен, тут никаких претензий.

Сначала подал мне руку, помогая выбраться из машины. Затем, не отпуская мою вспотевшую на нервной почве ладошку, повел к солидным дверям с элегантной, темного золота вывеской.

Я было попыталась выдернуть свою руку, но он только крепче перехватил мои пальцы. Буркнул:

– Не дергайся, Мирослава. Привыкай ходить со мной рядом.

– Ни к чему я не собираюсь привыкать. Я что, собачонка, рядом ходить?! Отпустите! – я злобно зашипела и снова попробовала вытащить пальцы из его жесткой руки.

Не обращая никакого внимания на мои трепыхания, Славинов переложил мою ладонь в другую руку, а освободившейся приобнял меня за талию. Наклонился и сунул нос мне в волосы!

Втянул в себя воздух и длинно выдохнул, обдав кожу теплым дыханием:

– Отличные духи, Мирослава, – еще крепче сжал мою талию и потащил дальше.

Притиснутая к его боку, я машинально переставляла ноги, от изумления позабыв, что надо все же стряхнуть с себя беспардонную мужскую руку. Вообще, не вспомнила, в таком ошалении была!

Зато хоть о своем дурацком волнении забыла. И правда, чего мне беспокоиться? Что я, олигархов никогда не видела и в обнимку с ними не ходила!..

В роскошном, золотисто-кофейном холле с лепными колоннами и идущей на второй этаж мраморной лестницей Славинова окликнула:

– Янис! Какие люди! Неужели ты решил почтить своим присутствием мое скромное заведение?

От лестницы к нам неспешно шел высокий, худощавый мужчина. Черный костюм, белая рубашка без галстука. Гладкая смуглая кожа и глаза с узким разрезом – явно чувствовалась азиатская или какая-то восточная кровь. Темные, чуть выщипанные волосы густо тронула седина, хотя лицо было совсем молодым. Красивый мужчина, хотя и какой-то диковатой экзотической красотой, но оторвать от него взгляд было сложно...

Подойдя, мужчина широко улыбнулся Славинову. Затем перевел взгляд на меня, и на миг в его прищуренных глазах мелькнуло искреннее изумление. Я почти физически почувствовала это его удивление, и то, как сильно я здесь не к месту...

– Здравствуй, Арс...

Не отпуская мою талию, Славинов пожал протянутую ему руку и усмехнулся:

– На комплимент напрашиваешься? Твой ресторан назвать скромным, даже у меня язык не повернется.

После чего зачем-то взял и представил мне подошедшего мужчину.

– Мирослава, это Арсений Ковалев, владелец этого помпезного роскошества, – очертил рукой окружающее нас пространство и совершенно неожиданно пошутил. – Честно говоря, у меня здесь всегда просыпается комплекс неполноценности и беспокойство, достаточно ли приличный на мне костюм.

Я изумленно захлопала глазами, а Арсений запрокинул голову и захохотал, сверкая белыми зубами. Отсмеявшись, наклонился ко мне и доверительно шепнул:

– Мирослава, не верьте этому типу. Он богаче меня раз в сто. И комплекс у него только один – торговый, на юго-западе столицы.

Еще понизил голос и томно протянул:

– Зато у меня есть чувство юмора. И всегда найдется, чем накормить красивую женщину. Бросайте его, Мирослава, и уходите ко мне. Ян скучный сухарь, интересуется только курсами валют и мировыми опционами. С ним вы умрете с тоски, – и вдруг жгуче полыхнул на меня раскосыми глазами, едва не заставив меня отшатнуться.

Мужская рука, обнимающая мою талию, напряглась, и над головой холодно и предостерегающе прозвучало:

– Арс! Уймись...

Арсений выпрямился и негромко рассмеялся, хотя глаза остались серьезными. Неспешно, сверху донизу прошелся по мне внимательным взглядом, словно впитывал то, что увидел, и повернулся к Славинову:

– Столик ждет вас, приятного вечера.

Снова перевел на меня взгляд и мягким голосом добавил:

– Мирослава, рад нашему знакомству. Уверен, мы еще увидимся.

– Не мечтай, – отрезал Славинов и подтолкнул меня в сторону ярко освещенного зала.

Уходя, я затылком чувствовала, как Арсений продолжает внимательно смотреть нам вслед. И от этого взгляда мне почему-то захотелось зябко передернуть плечами.

– Не ведись на его слова, Мирослава, – не глядя на меня, произнес вдруг олигарх. – Арс Ковалев не тот, с кем тебе будет хорошо. Хотя я все равно не дам ему к тебе приблизиться. Поэтому тебе не стоит рассчитывать на продолжение этого знакомства...

Глава 7

Янис Славин

Психологиня все-таки вывернулась из моего захвата. Очень вовремя, мы как раз подошли к нашему столику, и халдей уже приготовился отодвинуть для нее стул.

Я шевельнул бровью, чтобы проваливал, и паренек понятливо исчез. Хорошо Арс персонал дрессирует, молодца.

– Садись, Мирослава, – сам отодвинул для ежика стул.

– Послушайте меня, папа Даниила... – размеренным тоном начала она, словно с маленьким или буйным разговаривает. Психологиня, что с нее возьмешь.

Я с интересом наблюдал, как она с прямой спиной опустилась на краешек сиденья и сложила руки на коленях. Аристократка, однако. Серьезно, чувствуется в ней порода.

– Я заранее заказал нам салаты и вино, а то есть очень хочется. Сейчас уже все принесут. Горячее сама выбери. И десерт, конечно, – перебил ее, не желая слушать недовольное ежиное пыхтение.

На секунду задумался, устроиться рядом с ней или напротив. И все-таки сел, чтобы между нами оказался стол – не буду пока нервировать ее. Да и мне так спокойнее.

Чего доброго не удержусь и опять решу ее потрогать или понюхать ее странные духи, особо острые в рыжеватых волосах. Не буду пока ежика злить. Нам как-никак серьезный разговор предстоит. Так что, это все потом, когда договоримся.

– Знаете, что, папа Даниила, – сверкая глазами, снова начала психологиня. – Мне неприятно ваше поведение. Я здесь для того, чтобы поговорить о вашем сыне, и все! Не надо меня хватать и решать за меня, что мне есть или пить.

– Пока несут салаты, у нас есть пара минут. Так что, просто послушай меня, Мирослава.

Я чуть задумался, решая, какую степень откровенности могу допустить в предстоящем разговоре. Мысленно махнул рукой – начну с главного, а там посмотрим.

– Мирослава, ты в курсе, что Даниил растет без матери. Да и без отца, по большому счету. Я все время работаю и не могу уделять ему много времени. Так что, папа я так себе...

– Я заметила. Звание «Отец года» вам точно не светит. Если не сказать хуже, – психологиня произнесла это совершенно спокойно, даже без обычного своего ехидства. Похоже, просто озвучила личное мнение.

– Ты всегда такая прямолинейная? – поинтересовался я с любопытством.

– Обычно нет. Но с вами мне не хочется быть милой, – это она тоже сообщила на полном серьезе.

– Ладно, меня это мало волнует, Мирослава, – отмахнулся я. – Вопрос в том, что мой сын мечтает о семье. О маме и папе, которые будут с ним рядом, как у других детей. Мечтает о том, чего у него никогда, по сути, не было. Просто о семье...

– Даже Деду Морозу письма пишет. Каждый год, с тех пор как научился писать, – я усмехнулся и сделал паузу. Откинулся на спинку стула и впился взглядом в лицо психологини, пытаюсь предугадать ее реакцию на то, что собирался сказать дальше.

– Так вот, Мирослава, я собираюсь дать это своему сыну, исполнить его мечту. И ты примешь в этом участие. Не знаю почему, но Даниил искренне привязался к тебе. Это удивительно, учитывая твой неприветливый характер, но факт остается фактом – он в тебе души не чает.

Поэтому мы с тобой поженимся, и ты станешь моему сыну мамой. Настоящей. Любящей и заботливой, какой была бы его родная мать, если бы она у Даньки была.

Еж вытаращил на меня глаза и открыл рот. Пришлось его прихлопнуть, пока не опомнилась и не умчалась с воплями.

– За это я заплачу тебе... скажем, полмиллиона долларов при условии, что наше соглашение продлится хотя бы пять лет. Ну и полное твое содержание на это время, естественно.

Ежик рот захлопнул, открыл и снова закрыл.

– Вы больной, – выдавила из себя через паузу.

– Возможно, – я кивнул. – Но сын у меня один и других не предвидится. А ты первая женщина за несколько лет, с кем Данька нашел общий язык. Поэтому я тебя заполучу, Миряслава. Говорю тебе прямо, чтобы ты понимала перспективу и не тратила время на сопротивление. Потому что ресурсов у меня достаточно и рычагов, чтобы получить твое согласие, тоже.

Полюбовался на ее ошалелое лицо и предложил:

– А теперь можешь задавать свои вопросы о моем сыне.

– Вы точно не в себе, – повторила, задумчиво глядя мимо меня.

Я усмехнулся. Краем глаза заметил приближение официанта с подносом. Маякнул ему, чтобы не спешил и снова повернулся к психологине.

– Я уже согласился, что возможно я больной, или не в себе. Мне плевать, какой у меня диагноз. Меня волнует мой сын и то, что ему становится все хуже и хуже. Ему нужна мать и нормальная семья. И я ему это обеспечу.

Психология открыла рот, пошевелила губами и закрыла. Помолчала, рассматривая мое лицо странным взглядом, и вдруг предложила:

– Янис, командуйте уже, чтобы несли еду. На мой взгляд, вам точно лучше жевать, чем говорить.

Подумала, неверяще покрутила головой и нервно рассмеялась:

– Да и мне, пожалуй, нужно заесть свое офигение...

Глава 8

– Мирочка, – мама осторожно приоткрыла дверь и заглянула в мою комнату, – можно к тебе?

– Заходи, конечно, – я села на кровати, где, не в состоянии заснуть, лежала с книжкой.

– Поздно уже, почему ты не спишь? – мама наклонилась и поцеловала меня в щеку, обдав запахом своих нежных духов. Я втянула в себя их аромат и счастливо улыбнулась.

– Пока не хочется. Вот, решила немного почитать. У меня же завтра выходной, утром смогу поспать подольше. Что, Мариша все-таки уехала?

– Да, вызвала себе такси. Я уговаривала ее остаться. Но ей дочка позвонила и попросила завтра с Мишенькой в цирк сходить. Вот Мариша и помчалась домой. Счастливая, – мама села на край моей кровати и вздохнула.

Я сделала вид, что не понимаю, что лежит под маминым вздохом. Хотя понимаю, конечно, она давно хочет внуков. Но мне обрадовать ее нечем, Дима, единственный кандидат в мои мужья, похоже, вычеркнул себя из списка этих самых кандидатов.

Так что перспективы изменить статус «одинока и бездетна» у меня нет, и не предвидится. Да я и не стремлюсь что-то перестраивать в своей жизни. Живут ведь женщины без мужей и детей, и ничего. И я спокойно обойдусь без этого, мне достаточно моей работы и друзей.

Только мама переживает. Я же вижу, как она смотрит на внуков своих подруг... Но чем я могу ей помочь? Разве только принять дикое предложение зарвавшегося олигарха – обзавестись фиктивным мужем и приемным ребенком и предъявить их маме, чтобы порадовалась за меня.

Но такой вариант даже в шутку рассматривать было как-то... неприятно. Вернее сказать, противно. Слово от этого предложения я грязью с головы до ног покрылась.

Как этому человеку такое, вообще, в голову пришло?

Хотя... если бы в комплекте к рыжему Даньке не шел его ужасный отец, то...

Ой, ладно! Нашла о чем думать, Мирослава! Других дел будто нет...

– Да, счастливая Мариша. Такая радость, внучек у нее есть. Ангелочек маленький, – настойчивый голос мамы выдернул меня из дурацких мыслей. Она мечтательно улыбалась, старательно отводя от меня взгляд.

– Это Мишенька-то – ангелочек и радость? Этот постоянно капризничающий, все ломающий и портящий поганец? Равнодушный ко всему, кроме своих хотелок, демон-разрушитель – это счастье? – я от возмущения даже привстала на кровати.

– Мирочка, ну ладно тебе! Мишенька же не знал, что с твоими книгами нельзя играть, – мама просительно заглянула мне в глаза.

Недавняя история, когда «ангелочек» залез в мой книжный шкаф и на мелкие клочки разодрал с два десятка книг, все еще вызвала у нее чувство вины передо мной.

А у меня стойкую злость. Я эти книги годами собирала и лишилась в один миг. По воле этого маленького исчадия ада. И ведь не что попало, разодрал, вандал малолетний! Не-ет!

Пользуясь тем, что меня нет дома, а бабушка занята разговорами на кухне, Мишенька по-тихому пробрался в мою комнату. Подтащил к книжному шкафу стул, залез на него и с самой верхней, застекленной полки вытащил все книги.

Скинул их на пол, затем спустился сам и принялся методично уничтожать эти довольно редкие издания. В том числе одно букинистическое, стоившее мне целое состояние!

Когда его бабушка спохватилась, что давно не видит и не слышит любимого внучка, от книг остались только изодранные обложки и горы бумажной трухи, ровным слоем усыпавшие пол в моей комнате.

От этого воспоминания мое, и так не самое радужное настроение, совсем скатилось под плинтус. Ну почему у меня всегда так, все через одно место? Даже дорогих мне книг лишилась таким идиотским образом!

Мама успокаивающе похлопала меня по руке:

– Мирочка, ну, прости мальчика. Ты ведь психолог, должна понимать такие вещи... – мама укоризненно покачала головой.

– Мама, я Мишеньке ничего не должна. Ни понимания, ни прощения, – процедила я, изо всех сил сдерживаясь, честно говоря, потерю книг я до сих пор до конца не пережила. – И то, что я психолог, не означает, что обязана спокойно относиться к проделкам этого мелкого поганца. Он нанес мне материальный ущерб, возместить который его родственники наотрез отказались. Для них книги – это ерунда, не стоящая внимания и денег.

– Про моральный ущерб я вообще молчу, его ничем не измеришь. И я уверена, родители даже не отругали Мишеньку за эту выходку, – я поморщилась, вспомнив, как его отец орал на меня по телефону, обвиняя во всех смертных грехах. Причем, нелюбовь к детям и бессердечие были, по его мнению, еще не самой тяжкой моей виной перед Вселенной.

– Мирочка, просто мальчик еще маленький, вот и ведет себя так. Подрастет и изменится, – мама примирительно улыбнулась.

– Ну да, семь лет – это маленький! Знаешь, я почти уверена, что этот мальчик вырастет, и из маленького пакостника превратится в большого вредителя, – я возмущенно закатила глаза. И сразу вспомнила другого мальчика, всего на год старше.

Даниил Славинов ни капризным, ни равнодушным, ни пакостным не был ни разу. Он был одиноким, немного потерянным и мало знавшим о реальной человеческой жизни мальчишкой. Еще был добрым и по-своему честным.

Данька, хотя и оставался хитрюгой себе на уме, всегда свято исполнял наши с ним договоренности. Если, конечно, нам удавалось договориться. Потому что, свои интересы он продавливал очень качественно, ну а я тоже стояла на своем.

Но главное, младший Славинов видел границы дозволенного и помнил, что ему «не все можно». В отличие от своего отца, который, похоже, о таких вещах даже не задумывается...

И уж точно, демоном-разрушителем восьмилетний Славинов-младший не был. И еще, он был странно дорог мне...

– Мирочка, а ты почему вчера задержалась после работы? – мама решила перейти с темы «ангелочка» на безопасную. – Я так и не расспросила тебя. Вы с Димой куда-то ходили отдохнуть?

– Нет, мамуль, – я тоже постаралась отвлечься от страданий по погибшим книжным раритетам, – с отцом своего клиента встретила поговорить.

Да, встретила и поговорила. Наконец, задала ему интересующие меня вопросы и даже получила обещанные ответы. А еще получила просто сногшибательное предложение, от которого до сих пор пузырюсь возмущением...

– А-а, это тот мальчик, у которого папа особенный, и тебя специально попросили с его сыном поработать? – мама понятливо закивала. – Только я не помню, как мальчика зовут...

– Мамуль, ты не знаешь, как его зовут. Я тебе не говорила, – я сделала многозначительные глаза. Усмехнувшись, добавила. – А папа у него да, очень особенный.

Мама вздохнула и немного обиженно посетовала:

– Помню я, помню, что ты про своих клиентов никому ничего не рассказываешь. Но маме-то можно... Я же никому ни слова...

– Ма-му-ля! Ты же знаешь, что нет. Даже то, что новый клиент – маленький мальчик, мне не стоило тебе говорить. Просто я тогда расстроилась ужасно, вот и пожаловалась на жизнь. Но, больше не спрашивай, пожалуйста, – я добавила твердости в голос.

Мама еще печально повздыхала и поднялась:

– Ладно, Мирчонок, пойду я спать, устала ужасно. Гости – это хорошо, но сильно утомляешься.

– Mam, когда у тебя следующее обследование? – спросила я, пока она не вышла за дверь. Мама замерла, держась за ручку двери. Сильно похудевшие острые плечи приподнялись и застыли, забыв опуститься.

– Во вторник, – не глядя на меня, произнесла чересчур равнодушно, словно говорила о совершенном пустяке.

– Mam, я поеду с тобой в клинику.

Все также, не поворачиваясь, она отрицательно покрутила головой.

– Нет, доченька, не надо. Я сама справлюсь. У тебя работа, а там, в клинике... ничего страшного нет. Я сама.

– Мамуль, я найду деньги на операцию. Обещаю тебе! – я вцепилась в край одеяла и потянула на себя, словно оно могло укрыть меня от беды, случившейся с моей мамой.

– Мирочка, я уверена, что моя очередь на донорский орган подойдет очень скоро. Сергей Анатольевич говорил об этом в нашу последнюю встречу.

– Хорошо, мамуль. Но я все равно к нему заеду и поговорю.

– Конечно, родная, если хочешь, то поговори. Спокойной ночи.

Мама выскользнула за дверь, так и не повернувшись ко мне лицом.

А я вытянулась на кровати и все-таки накрылась одеялом с головой. Точно, как в детстве, когда этот волшебный способ помогал спрятаться от ужасиков, регулярно приключавшихся в моей жизни.

Жаль только, чем старше я становилась, тем хуже срабатывал этот прием.

Вот и сейчас, лежа в душной одеяльной темноте, я ни на грамм не верила, что этот кошмар с мамой, начавшийся два года назад, вдруг развеется так же легко, как когда-то мои детские страхи.

Почувствовав, что задыхаюсь, скинула одеяло и вытянулась на кровати, напряженно глядя в потолок со старой побелкой.

Неожиданно в тяжелые мысли, жерновами ворочавшиеся в моей голове, вклинился звонок телефона. В недоумении, кто это может быть, я схватила трубку.

– Мирослава, – прозвучал из нее холодный голос Яниса Славинова. – Прости, что поздно. Мне нужна твоя помощь...

Глава 9

– Моя помощь? – недоуменным шепотом переспросила я, прикрываясь ладонью, чтобы мама не услышала и не проснулась.

– Да, Мирослава, твоя помощь. Мне просто не к кому больше обратиться, – олигарх замолчал. Зато на заднем фоне у него начали раздаваться странные звуки, что-то похожее на вой бензопилы попеременно со скулежом раненого щенка.

– Что у вас происходит? – завопила я шепотом, чувствуя, как в душе растет паника. – Что-то с вашим сыном?

– Сейчас выйду в другую комнату, – с досадой выдохнул Славинов, – тут невозможно разговаривать.

– Все, вышел, – произнес через полминуты. – Мирослава...

– Это Данька плакал?! – перебила я мужчину, чувствуя, как похолодело сердце.

– Да, у него истерика. И я не могу его успокоить, – устало признался он после паузы.

Голос Славинова смолк, зато на том конце трубки опять раздались завывания.

– Данька, прекрати орать! – глухо ругнулся олигарх. – Я с Мирославой разговариваю!

– Папа, дай я сам поговорю с ней! – провыл где-то там рыжий.

– Мирослава, поговоришь с ним? – в голосе мужчины явственно слышалась досада. И немного растерянность.

– Да что случилось-то? Объясните по-человечески! А потом я поговорю с вашим сыном.

– Я улетаю через несколько часов – у меня подписание важного контракта в Сингапуре. А няню сына увезли с острым аппендицитом. Сейчас ей делают операцию, и минимум неделю она будет на больничном. Поэтому присматривать за Данькой некому. Ты не могла бы побыть с ним, пока меня не будет?

– Я?! – даже телефон от уха отодвинула и посмотрела на него с изумлением. Будто он мог разъяснить мне смысл только что услышанного.

Снова прижала к уху и осторожно поинтересовалась:

– У вас что, кроме няни, некому присмотреть за мальчиком?

Олигарх опять досадливо выдохнул и где-то там рявкнул на сына:

– Хорошо рыдать! Сейчас я все объясню твоей любимой Мирославе и потом передам трубку тебе.

– Але, – это он уже мне, – есть, кому присмотреть, естественно. Но сын наотрез отказывается оставаться с нашей экономкой или с... с кем-нибудь еще. Няня – единственный человек, кому он более-менее доверяет. Кроме тебя, конечно.

Я молчала, и олигарх поспешно добавил:

– Мирослава, всего три дня. И я хорошо заплачу тебе. Сколько сама скажешь, столько и заплачу.

– Деньги здесь ни при чем, – я возмущенно поджала губы, ну что за человек! Все одной меркой мерит. – Просто я не няня! И у меня работа в центре в эти дни.

– Мирослава, я решу вопрос с твоей начальницей. Всего три дня! Оплата тебе понравится...

– Дайте трубку Даниилу, – перебила неприязненно, у этого мужчины есть что-то в голове, кроме денежных знаков?

Пауза, и из телефона понеслось сдавленное всхлипывание.

– М-мир-рослав-ва, – проикал рыжий и снова протяжно всхлипнул.

– Так, Даниил, успокаиваемся, – произнесла я спокойно и строго, зная, что на него такой тон действует лучше всего. – Давай, делай глубокий вдох и задержи дыхание, сколько можешь.

Сделал? Теперь медленно, длинно выдыхай. И еще раз сначала – вдох, задержка, выдох. И третий раз...

В трубке раздалось придушенное пыхтение, и через минуту почти спокойный голос рыжего.

– Мирослава, папа предлагает мне остаться или с крокодилихой, или с ведьмой, а я не могу-у! Они злобные, и обе ненавидят меня... – и опять сорвался на плач.

– Даниил, спокойно! – попросила я, чувствуя, как на глаза наворачиваются дурацкие слезы сочувствия. – Я тебя услышала. Дай трубку папе...

Через час мой телефон завибрировал сообщением:

«Машина у подъезда, белый «Хаммер». Выходи».

Я торопливо написала записку маме и положила ее на кухонный стол, придавив сахарницей. Подхватила наспех собранную сумку с вещами и, стараясь двигаться бесшумно, выскользнула за дверь квартиры, сама до конца не веря в то, что делаю это...

Глава 10

Я вышла из подъезда и на секунду остановилась, напряженно глядя на занявший чуть не половину двора огромный автомобиль.

Что я делаю? Зачем ввязываюсь в эту авантюру с чужим ребенком и его наглым отцом? Я не няня, и понятия не имею, как с детьми обращаться. Могла бы иметь понятие, но судьба решила по-своему.

С усилием втянула в себя воздух, пытаюсь успокоиться, и сказала сама себе – из-за денег. Ради той оплаты, что пообещал мне Славинов за три дня, проведенных с его сыном. Сумму, равную моему двухмесячному заработку с обеих моих работ. Мне нужны эти деньги!

Я переступила с ноги на ногу, все так же глядя из-под подъездного козырька на белый, масляно блестящий бок автомобиля, не решаясь шагнуть вперед.

Любые контакты с клиентом вне кабинета противоречат негласной этике моей профессии. И я всегда, всегда строго придерживалась этого правила, не общаясь ни с одним своим клиентом. Что сейчас изменилось?

Деньги? Да, они, конечно. Но и...

Я вздохнула и переложила сумку в другую руку – что, если я сейчас поверну обратно? Мне нельзя привязываться к этому рыжему мальчишке, а я делаю это. С каждым днем, с каждой встречей он занимает все больше и больше места в моем сердце.

Это неправильно. Непрофессионально. Эмоциональная привязанность к клиенту сильно осложняет работу. Мешает и зачастую делает ее невозможной. Поэтому я не работаю с детьми. Поэтому, и потому что мне больно...

Повернулась к джипу спиной и взялась за ручку подъездной двери – я вернусь домой и позвоню Славинову. Извинюсь и скажу, что не могу. Просто не могу и все... И пусть он думает обо мне, все что угодно. Знаю, что подведу его, но я не могу...

– Мирослава! – настиг меня звонкий голос, когда уже потянула на себя дверь.

Я крутнулась на каблуках – из распахнувшейся задней двери белой машины выскочил Даниил Славинов в шортах и серой толстовке с Бэтменом на груди. Высоко вскидывая худые колени, неловко побежал ко мне, раскинув руки, словно собираясь обнять.

Добежав, Данька, и правда, на миг прижался ко мне, обняв тонкими руками, и тут же отодвинулся. Запрокинул голову и замер, глядя мне в лицо сияющими глазами.

– Мирослава, пойдём в машину, а то папе скоро в аэропорт надо ехать, у него встреча завтра вечером. А ему еще лететь десять часов. До Сингапура знаешь как далеко? Ты была в Сингапуре?

– Нет, Дань, я не была в Сингапуре. А ты? – спросила это машинально, не отводя взгляда от высокой мужской фигуры, выбравшейся из водительской двери. – Твой папа тоже за мной приехал?

– Конечно, папа за тобой приехал. Мы вместе приехали. А в Сингапуре я тоже не был. Папа говорит, что туда слишком долго лететь для ребенка, – рыжий на секунду повернулся к отцу и тут же потянулся за моей сумкой – Давай, я возьму. Тебе тяжело, наверное. Ты ведь женщина.

Он так и произнес это слово – «женщина».

– Даниил, – негромкий голос его отца остановил попытки мальчишки выхватить сумку. – Сядь пока в машину. Я переговорю с Мирославой, и мы поедём.

– Па-ап, давай вы дома поговорите?

– Даниил! – холодно припечатал олигарх, заставив меня поежиться.

Данька послушно отошел и, буркнув себе под нос: «Вечно эти взрослые разговоры!» – спиной вперед, не сводя с меня взгляда, медленно двинулся в сторону машины.

– Под ноги смотри, – посоветовал ему отец и повернулся ко мне. Наклонился и потянул из моих крепко сжатых пальцев ручку сумки:

– Давай мне. Ты ведь, и правда, «женщина».

– Да неужели? – я попыталась отдернуть сумку, сама не знаю зачем, но только стукнула себя по ногам твердым нижним краем. Зашипела от боли, почему-то виновным в этом назначив олигарха, и разжала пальцы.

– Вроде бы да, судя по твоему досью, – Славинов усмехнулся, замолчал и опять принялся рассматривать мое лицо.

– Что?! Что вы так смотрите? У меня на лице грязь или рога выросли? – я вскинула голову и независимо выдвинула вперед подбородок. – Мы едем или будем в гляделки играть?

– Я рад, что ты согласилась, Мирослава, – разомкнул губы олигарх и опять молча на меня уставился. Да что ему надо-то?

Он стоял, нависая надо мной своей громадой, и опять, как в тот раз в моем кабинете, на меня начала накатывать паника. Во рту пересохло, и странно, горячо потянуло низ живота.

– Ты боишься меня? – вдруг негромко спросил мужчина.

– Вот еще, – проскрипела я сухим ртом и непроизвольно шагнула назад, к спасительной двери подъезда.

– Трусишка, – он хмыкнул и шагнул ко мне, почти прижимая к двери за моей спиной. – Мирослава, я не обижаю женщин.

– Рада, что в вас есть хоть немного порядочности, – привалилась к полотну двери, чувствуя, как металл успокаивающе холодит кожу лопаток.

Неожиданно олигарх протолкнул ладонь мне за спину и надавил, вынудив податься к нему. Низко наклонился и прошептал:

– Мне нравится, что ты говоришь именно то, что думаешь, маленькая психологиня. Радуй меня и дальше, – легонько провел губами по краешку ушной раковины, едва не заставив меня застонать от пронзившего тело горячего спазма. Выпрямился и отступил. – Поехали, давай. Нам еще час добираться до дома, а Даньке давно пора спать.

Взял меня, потерявшую способность сопротивляться, под локоть и повел к машине, где из задней двери выглядывала нетерпеливая мальчишеская рожица.

Распахнул передо мной переднюю дверь:

– Садись.

Все еще в обалдении, я помотала головой. Просипела: «Сяду с Даниилом», – и занырнула на заднее сиденье.

– Мирослава, ты такая хорошая, – стоило сесть, рыжий прижался к моему боку. Промостил голову мне на плечо и затих.

Его отец хмыкнул, закинул на переднее сиденье мою сумку и сел за руль. Поймал в зеркале заднего вида мой взгляд, несколько секунд смотрел, затем завел двигатель.

Громадная машина бесшумно тронулась, аккуратно вырulingая с узкого двора. На трассе к нам присоединились два черных джипа, и под равномерные всполохи мигалок на их крышах наша процессия помчалась в сторону выезда из города.

Глава 11

Янис Славинов

– Доброе утро, Янис Альбертович! – молоденькая стюардесса выпятила в мою сторону вполне достойную грудь и кокетливо хлопнула ресничками.

Я мельком окинул взглядом ладную фигурку под узкой юбочкой и форменной блузкой с глубоко расстегнутыми верхними пуговками. Ну, что же, достойный экземпляр: свеженькая, мордочка кукольная, ножки длинные и ровненькие. И смотрит так, что понятно – щелкни я пальцами и разложится прямо здесь, в проходе у входа в самолет. Предоставит мне абсолютно все, что пожелаю, вплоть до извращений.

Вот только не до тебя мне, красотуля.

Не отвечая, прошел мимо. В салоне бросил портфель на кресло, сам устало рухнул в соседнее. Велел занервничавшей красавице, прибежавшей за мной следом:

– Быстро мне мятный чай, и не отсвечивай больше.

Красотка обиженно хлопнула глазками, но послушно испарилась выполнять приказ.

А я откинулся затылком на подголовник и прикрыл глаза – ну что за вечер и ночь! Ни на одних переговорах не уставал так, как за эти несколько часов.

Устал уже, когда устраивал няню сына, резко свалившуюся с перитонитом в нормальную больницу. Чуть не свихнулся, пока успокаивал Даньку, в истерике орущего, что не останется с нашей экономкой или Риткой. И чуть окончательно не сдох, пока договаривался с психологической оставить сына на нее, потому что ни на кого другого он не соглашался. Потом еще и сам потащился забирать эту вредину Мирославу из ее дома.

Сжал двумя пальцами переносицу и зажмурился – и зачем я за ней поехал? Отправил бы охрану, и все дела. Доставили бы ежика в лучшем виде. И не пришлось бы всю дорогу наблюдать ее недовольную рожицу в зеркале заднего вида.

Но нет, стоило Даньке робко попросить: «Пап, давай сами съездим за Мирославой?» – отчего-то решил, что это отличная идея.

Поехал... А затем какого-то бельмеса зажал ее возле подъезда...

Ну, точно подросток неуравновешенный, смешно даже. Но меня тогда реально повело от ее запаха и сверкающих недовольством глаз.

Захотелось прижать ее покрепче, стянуть с макушки заколку, распуская по плечам рыжеватые волнистые волосы. Зарыться в них носом, вдыхая ее чудной аромат. Потом стиснуть ладонями ягодицы под широкими брючками, впечатывая в ее живот свой дернувшийся от желания пах.

Бля, точно озабоченный – даже сейчас, вспомнив ее маленькое ушко под своими губами, почувствовал возбуждение.

Может, правда, по-быстрому стюардессочку оприходовать, да и пойти спать завалиться? Иначе всю дорогу промаюсь от неудовлетворенности, и на переговорах буду зверем на узкоглазых глядеть. Они и так меня побаиваются, потому что в пояс мне дышат, и смотрят на меня словно дети на великана-людоеда.

– Ваш чай, Янис Альбертович, – пропел нежный голосок.

Мягкое движение возле плеча, отвратный запах сладких духов, резанувший удушливым смрадом, и все желание как рукой сняло.

Открыл глаза и рявкнул на красотку, стоявшую в наклоне, изящно оттопырив попку:

– Поставила чай и брысь отсюда. Ко мне не приближаться, поняла?

Девица отшатнулась, едва не опрокинув поднос с чашкой и чайником, которые сгружала на столик у кресла. Попятилась, тараша на меня перепуганные глаза и выпятив надутые губы.

Не обращая на нее внимания, достал телефон и набрал номер:

– Михалыч! – зарычал, не здороваясь, когда на том конце раздался заспанный голос начальника сервисной службы. – Пока не взлетели, стюардессу замени мне. И если еще раз будет какая-нибудь воняющая духами подстилка, уволю тебя к чертовой матери.

Не дожидаясь ответа, отбил звонок. Встал, дошел до кабины пилотов. Переговорил с капитаном и вернулся в салон. Прихватив чашку с чаем, пошел в задний отсек, где располагалась спальня – срочно принять душ и спать.

Спать и больше не думать о психологине, с какого-то перепуга вызывающей у меня неконтролируемые реакции и идиотские желания.

Глава 12

Разбудил меня громкий стук в дверь. Распахнув глаза, я несколько секунд выплывала из сонного оцепенения и пыталась понять, где очутилась.

Вспомнив, судорожно схватила с тумбочки у кровати телефон и уставилась на экран – фух, только семь утра. Вроде бы моя работа еще не должна начаться. Вчера со Славинным договорились, что няня я с девяти до двадцати двух часов. Ночью после того, как Данька заснет, могу быть свободна. Правда, с условием не покидать дом.

Стук в дверь повторился еще громче и дольше. Кто это у нас такой настойчивый?

Сползла с кровати, накинула на пижаму халат и побрела к двери.

За порогом стояла высокая, навверное, на полголовы выше меня женщина, одетая в строгое черное платье, похожее на очень элегантную униформу. Лет тридцати пяти, смуглая, с резкими, довольно красивыми чертами лица. Черные гладкие волосы собраны в аккуратный пучок. Карие глаза смотрели на меня холодно и чуть брезгливо.

Пробежавшись по мне цепким взглядом от босых ног до всклокоченной макушки, дама холодно проговорила:

– Янис Альбертович сообщил, что ты новая няня мальчика. Одевайся и спускайся на завтрак.

– Зачем так рано? – пробормотала я и потерла глаза, спать хотелось ужасно. В постель лечь удалось только под утро, когда Славинов, наконец, уехал в аэропорт, где его ждал самолет.

Перед этим мы долго ехали до дома, вернее, дворца олигарха. Не разговаривали, даже из вежливости не пытались. В салоне чуть слышно звучала музыка, и витал запах дорогой кожи и строгого мужского парфюма.

Я сидела, отчаянно выпрямив спину, и постоянно ловила взгляд мужчины в зеркале заднего вида. Смущалась, опускала глаза, чувствуя, как по телу бегут мурашки, и изо всех сил стараясь сохранить непроницаемое выражение лица.

Это было ужасно неуютно – находиться с ним в маленьком замкнутом пространстве, почти задыхаясь под взглядом его холодных глаз и под давлением его бешеной энергетики. Только присутствие Даньки, сладко сопящего у меня под боком, не давало мне окончательно скатиться в панику и позволяло хоть как-то сохранять видимость спокойствия.

Когда мы, наконец, добрались до ярко освещенного крыльца огромного дома, то принялись осторожно вынимать из салона заснувшего по дороге Даньку. Потом в четыре руки неловко, все время сталкиваясь и мешая друг другу, раздевали его и укладывали в постель.

После этого Славинов проводил меня до комнаты на том же этаже, что Данькина, но в другом конце длинного коридора.

У двери олигарх, тоже выглядевший порядком уставшим, остановился. Потер лоб и распорядился:

– Мирослава, в общем, устраивайся, сама тут разбирайся и командуй. Расписание Данькиных занятий у него в комнате. Если что-то понадобится, обращай к экономке. Ее зовут Инга. Просто скажешь, что тебе нужно, и она все сделает.

После этого Славинов повернулся и, не прощаясь, пошел по коридору прочь. Но вдруг остановился и резко обернулся. Усмехнулся, успев увидеть, как я, приоткрыв рот, глазею на его обтянутую черной футболкой спину.

– Что ты углядела во мне, маленькая психологиня, что так смотришь?

Повернулся и пошел обратно с таким видом, что я опять начала испуганно пятиться к двери. И уже всерьез собралась запрыгнуть в комнату и запереться от него на ключ, когда в шаге от меня он остановился:

– А, колючка Мирослава? Чем я удивил тебя?

Я глотнула пересошим горлом. Не в силах смотреть ему в лицо, уставилась на выглядывающий из горловины футболки край цветной татуировки.

С трудом выдавила:

– Мы можем с Даниилом съездить куда-нибудь? Цирк или зоопарк? Или в парк покататься на великах. Или ему разрешены только дом и занятия?

Возвышаясь надо мной, Славинов помолчал, проходясь по моему лицу все тем же, ужасно смущающим меня взглядом, и вдруг спокойно произнес:

– У Даньки в школе каникулы. Если хочешь, можешь на эти три дня устроить ему отдых и от дополнительных занятий тоже. Решай сама, чем вам заняться, Мирослава. Это ты его мама, а не я.

И довольно глядя в мои изумленные глаза и до неприличия широко открывшийся рот, небрежно спросил:

– Какой подарок привезти тебе из Сингапура?

... – Я к тебе обращаюсь! – выдернул меня из задумчивости резкий голос.

– А? – вопросительно взглянула на стоявшую передо мной женщину. – Простите, я не расслышала, что вы сказали.

Женщина поджала губы, покрытые коралловой помадой, и недовольно процедила:

– У проживающей в доме обслуги завтрак в семь тридцать, в столовой цокольного этажа. Опоздаешь – будешь ходить голодной до обеда. Тебе понятно?

Я кивнула:

– Понятно, конечно. Завтрак для обслуги в семь тридцать. Кто вы и как вас зовут?

– Меня зовут Василина Сергеевна. Я старшая горничная, и вся внутренняя обслуга в моем подчинении, – брюнетка еще презрительнее скривила губы и вдруг зло выплюнула, заглянув поверх моей головы в комнату:

– Странно, что тебя поселили здесь. Видимо, по ошибке сунули в первое попавшееся помещение. Ничего, подберем тебе другое место, так что можешь, пока не распаковывать свои вещи.

Я с любопытством рассматривала красивое, сейчас перекошенное злостью лицо женщины. Интересно, она по жизни такая, или это индивидуальная реакция на мою персону?

Решив пока не искать ответ на этот вопрос, снова кивнула и повторила:

– Старшая горничная Василина Сергеевна. Я запомню вас.

После чего добавила в голос металла и, глядя хамке в глаза, отчеканила:

– Итак, первое. Меня зовут Мирослава Юрьевна. Потрудитесь запомнить мое имя и обращайтесь ко мне только так. И на «вы», естественно.

– Далее, – скопировав взгляд хозяина этого дома, холодно оглядела посеревшую лицом дамочку. – Завтракать я буду вместе с Даниилом. Причем тогда, когда мы с ним этого сами захотим. И где захотим. Сегодня мы позавтракаем у него в комнате.

Я задумалась, в упор глядя во взбешенные глаза женщины.

– В девять тридцать, пожалуй. Распорядитесь на кухне, чтобы еда для нас была готова к этому времени. Мне кофе с молоком и омлет. Даниилу то, чем он завтракает обычно. На завтра я скорректирую его меню, если сегодняшней его завтрак меня чем-то не устроит.

Повернулась, чтобы закрыть дверь, но в последний момент вспомнила одну вещь.

– Да, еще я хочу увидеть экономку. Передайте, что перед завтраком жду ее у себя.

После этого в полной уверенности, что нажила себе смертельного врага, захлопнула дверь перед взбешенным лицом красотки.

Доползла до кровати и рухнула на нее, чувствуя, что сна не осталось ни в одном глазу – славно началась твоя временная работа, Мирослава!

Повозилась, устраиваясь поудобнее. Плохо с такого начинать свое обустройство в чужом доме. Но и позволить, так с собой разговаривать, как эта Василина Сергеевна, было бы неправильно.

Ладно, мое дело – младший Славинов. И это всего на три дня. Как-нибудь постараюсь их пережить, даже если злобные старшие горничные будут выливать на меня океаны своей ненависти.

Глава 13

Я лежала, глазела на потолок с красивой лепниной и размышляла о стычке со старшей горничной. Что это сейчас было, с чего она решила, что я в доме Славинова на положении услуги?

Не думаю, что личная няня Даньки занимает положение, равное рядовым горничным или садовникам. Как-никак это персона, допущенная к наследнику, значит, и положение у нее особое. Должно быть таким, по моему разумению. И пусть я временно исполняю эту роль, но сути это не меняет.

А значит, или старшая горничная слишком много на себя берет, или такие распоряжения относительно меня оставил Славинов. Но на олигарха это не очень похоже. Поэтому остается самодеятельность этой Василины.

Я пошевелилась, устраивая затылок поудобнее, и продолжила анализ ситуации. Не могу сказать, что мне было приятно обмусоливать эти вещи, но старшая горничная попыталась меня откровенно унижить. Вопрос – зачем?

Она по жизни стерва или... Или у нее что-то есть с олигархом, и мое появление ее чем-то насторожило? Вообще, мне показалось, что Славинов не тот человек – дома не гадит, и со служащими отношения не заводит. Хотя с чего ему сдерживаться – он холост, а она красивая женщина...

Я вздохнула – да и Славинов... недурен, чего уж себе-то врать. Он и в своих костюмах стоимостью в пару тысяч долларов смотрится потрясающе. А уж вчера, когда, уложив Даньку в кровать, снял с себя толстовку, оставшись в простой черной футболке и джинсах, я вообще обалдела.

Беспокойно заворочалась, вспомнив, как ночью в спальне Даньки заставляла себя не пялиться так откровенно на Славинова. Заставляла, и все равно глаза никак не могли перестать исподтишка рассматривать его. Рослого, плечистого, с неожиданными татуировками на предплечьях и у основания шеи, с подтянутой задницей. И главное, никакого живота! Не то, что у Димы с его мягкой округлостью в районе пресса.

– Ч-черт! – выругалась сквозь зубы, чувствуя, как загорелось волнение внизу собственного живота, а во рту внезапно пересохло. – Похоже, ты тайная эротоманка, Мирослава Юрьевна!

Я еще поглазела в потолок, решив не думать о Славинове, лучше поразмышлять, чем может мне навредить ненависть старшей горничной.

Поразмышляла и поняла, что думать об этом не хочу, а хочу о Славинове и его плечах, и татуировках. Вздохнула печально и поднялась с кровати – заснуть, похоже, больше не удастся. Пойду, приму душ и приготовлюсь к началу рабочего дня.

Перед походом в ванную решила внимательно рассмотреть, куда олигарх меня поселил, чтобы понять, почему это так возмутило хамоватую старшую горничную.

Рассмотрела и поняла!

Комната была вообще не комната, а отдельные апартаменты с прихожей, спальней и гостиной. Плюс гардеробная размером с баскетбольную площадку, нынче абсолютно пустая. Также в наличии имелся огромный балкон, скорее терраса, выход на которую был и из спальни, и из гостиной. И обстановка, конечно...

Изысканная классика: дорогущая деревянная мебель, пышные ткани, сложные драпировки штор. Отделка стен и пола соответствовала этим просторным комнатам с высокими потолками. Вдогонку к ним, изящная лепнина на потолке и хорошие картины в узких рамках на стенах. Явно не для простой няни комнатки.

Ну что же, красиво жить не запретишь. И это все мое на целых три дня! Если, конечно, милашка Василина не выселит меня отсюда. Но если что, я буду сопротивляться! Мне здесь уже нравится.

В ванной комнате, тоже очень большой, богато оснащенной всем необходимым для моего временного счастья, я провела целый час.

С наслаждением постояла под душем, без конца меняя его режимы. Перенюхала батарею стоявших там флаконов, пока не нашла, что мне понравилось.

Потом долго намыливала волосы и тело, смывала и снова неспешно намыливала. Все пыталась почувствовать себя богатой дамой, постоянно живущей в такой вот роскоши.

Получалось так себе – видимо, такие ощущения приходят только со временем. Или передаются по наследству вместе с фамильными драгоценностями и миллионами на счетах. Да и ладно, обойдусь как-нибудь.

В общем, время в ванной я провела с удовольствием и пользой для своего душевного состояния. А когда, наконец, я выползла, облаченная в пушистый белый халат, на моей кровати, подтянув худые колени к груди, сидел рыжий.

– Данька! – покосилась на входную дверь. – Как ты здесь очутился? Я что, замок не закрыла?

– Закрыла. Я по балкону перелез, – «успокоил» меня рыжий и шмыгнул носом.

– Так, что случилось? И как это «по балкону»?! – я присела на кровать и заглянула в лицо мальчишке.

Оно было смущенным и несчастным. Рыжие ресницы часто-часто хлопали, явно пытаюсь сморгнуть слезы. И еще, в зеленых, обведенных темным радужках застыл страх.

– Ну, Дань, – позвала я, – я же здесь, поэтому ничего не бойся.

Приобняла его и потянула к себе. Погладила по мягким рыжим вихрам и попросила:

– Давай, ты пойдешь в ванную и умоешь лицо. Я в это время сменю халат на нормальную одежду, и мы поговорим. Пока не скажу, что можно, из ванной не выходи! – предупредила строго.

– Конечно, я же понимаю, что женщинам нужно долго наряжаться, а мужчинам на это лучше не смотреть, – пробубнил мальчишка и сполз с кровати. Побрел к дверям ванной, ссутулив плечи и шаркая по светлому паркету босыми пятками. Что же такого произошло, что он разве что не рыдает?

Едва дверь за Данькой закрылась, я подхватила свою сумку и вихрем кинулась к гардеробной. Скинула халат, торопливо достала чистое белье и свежую футболку. Подумала и на всякий случай надела джинсы и кроссовки – вдруг убежать придется или от врагов отбиваться. Забрала волосы в хвост и вылетела обратно в комнату.

– Ну, рассказывай, – велела, когда Данька вышел из ванной и сел со мной рядом на диван в гостиной.

– Там крокодилиха к ведьме приехала. Они придумывают, как тебя выгнать из дома, Мирослава, – сообщил печально и опять шмыгнул носом. – А я им сказал, что сам их выгоню. И ведьма начала на меня орать, а крокодилиха дернула за ухо и обозвала шпионом.

– Кто у нас ведьма и кто крокодилиха? – поинтересовалась я, чувствуя, как к голове подкатывает волна ярости. Приобняла мальчишку за плечи, подтянула к себе и поцеловала в золотистую макушку. – И что твой папа говорит о том, что кто-то дергает тебя за уши и орет?

– Папа ничего не говорит, потому что я не жалуюсь. Мужчины не плачут и не ябедничают, так папа меня учит, – рыжий опять шмыгнул носом.

– Ведьма – это наша экономка, Инга. Она злая, просто ужасно. Но с папой всегда милая и улыбается, – добавил после паузы, кажется, начиная успокаиваться в моих объятиях. – А крокодилиха – это ее подруга Ритка. Папина любовница.

Глава 14

Янис Славинов

Ну, слава яйцам, сваливаю из этой душной азиатской парилки. Небоскребно-бетонной, одуряюще жаркой и липкой, расцветенной вкраплениями местной диковинной зелени.

Час назад подписали контракт. И прошло все, на диво без их вечных хитрожопых подходов «а давайте мы вас поймеем, и вы нам за это заплатите столько, сколько мы скажем». Удивительно – всего день переговоров и все, я свободен. Непривычно и как-то даже неуютно.

Или это сосущее чувство в груди связано с Данькой и его любимой Мирославой? Ведь не прекращал о них думать ни минуты с того момента, как сел в самолет.

Даже в самый пик переговоров, когда китаезы попытались протолкнуть условия, о которых изначально и речи не было, и то эта парочка маячила на периферии сознания.

– Жень, – окликнул личного помощника. – Ты своей жене, что обычно привозишь в подарок из Сингапура?

Тот было выкатил на меня изумленно глаза, но быстро привел лицо в норму. Мудро, не хватало еще, чтобы мои сотрудники оценивали мои вопросы или дела.

– Ну... сладости из дуриана, конечно, – загрузился Женька. – Шелк какой-нибудь. Платок там или платье. Что еще... В прошлый раз орхидею в золоте Лерке привозил, украшение такое местное.

– Жемчуг? – это уже я сам придумал, вроде все азиатские страны его производят.

– Ну да, всякие побрякушки ювелирные тут недорогие. Бриллиантов много. Но... – Женька вдруг оживился, – лучше фиолетовое золото. Вот его точно нигде больше не купишь, это местная фишка. Или айфон последней модели, они здесь одновременно с США в продаже появляются.

Помолчал, колеблясь, и выпалил:

– В общем, смотря для кого покупаете. Так-то можно просто чай местный и конфеты купить. А для... особой дамы лучше вот то, что я сказал.

Для особой, значит... Ну, тут уж не поспоришь, особенности в ежике Мирославе на пятерых хватит. Только что-то подсказывает мне, что айфон она мне обратно в рожу кинет. И за попытку подарить ей брелок пошлет подальше. А вот фиолетовое золото – это интересная идея...

– Давай, показывай, где это твое необычное золотишко продают, – скомандовал помощнику и натянул на лицо темные очки, солнце слепило так, что аж затылок ломило.

Звонок от начальника службы безопасности поступил, когда я оплачивал в ювелирном бутике выбранный для психологини комплект – витой браслет и кулон в виде цветка на тонкой цепочке. И все из золота густого сиреневого оттенка. Реально красиво.

Почему-то показалось, что от этого она не откажется. А нет, так Даньку привлеку уговаривать ежика взять подарок.

– Да, Миш, – ответил в трубку, забирая пакет с покупками у улыбчивой китаянки-кассираши.

– Янис Альбертович, – откашлялся тот. – Тут такое дело... Мирослава Юрьевна...

– Что? – рыкнул, чувствуя, что под ложечкой засосало еще активнее. Да что за черт?!

– Вчера днем она взяла Даниила и уехала с ним из дома. Сейчас они на даче Мирославы Юрьевны в Балашихе. Вы велели не препятствовать ей ни в чем, поэтому я их отпустил. Парней с ними послал и все. Ну и машину, конечно, выделил с сопровождением.

Я помолчал, переваривая новость. Это что могло случиться, что ежик вот так прихватила моего сына и свалила из дома на какую-то дачу? Бля, и я телефон на сутки почти отключил, чтобы не отвлекаться от дел. Вот тебе и не отвлекся...

– Миш, ты мне о чем не договариваешь? – уточнил ласково-ласково, отчего безопасник ощутило занервничал.

– Да вот как раз хотел сообщить... Мирослава Юрьевна Инге фингал поставила. И Маргарите Савельевне... хм, часть волос с головы сняла. А потом вызвала меня и сообщила, что уезжает.

– Миша, какой Инге фингал и какой Маргарите Савельевне волосы? – переспросил, чувствуя себя идиотом. Ежик кого-то побила?

– Инга, экономка наша. А Маргарита – ваша... подруга, – Михаил вдруг довольно хрюкнул в трубку и тут же поправился. – Извините, поперхнулся.

– Миша, ты часом головой не поехал? У вас там, вообще, что происходит?! – зарычал так, что стоявший на выходе из бутика охранник схватился за висевшую на поясе рацию и что-то забормотал в нее. Наверное, уже подмогу вызывает. Или сразу полицию, они тут не церемонятся.

Я повернулся к нему спиной и, стараясь сдерживаться, скомандовал в телефон:

– Давай еще раз медленно и подробно, чтобы я понял, что за мудня у вас творится в мое отсутствие.

Миша снова откашлялся, делая вид, что прочищает горло. Но мне показалось, что он просто пытается сдержаться и не заржать.

– Сообщать суть конфликта дамы наотрез отказались. Но судя по записям с камер, у них состоялся бурный разговор, в результате которого Мирослава Юрьевна... хм, врезала Инге. А когда Маргарита Савельевна попыталась вмешаться, Мирослава намотала на руку ее волосы и принялась таскать туда-сюда, что-то приговаривая при этом.

– А потом еще за ухо схватила, начала крутить и что-то втолковывать, – совсем довольным голосом добавил Миша.

В трубке наступила тишина, а в моей голове тупая пустота – у меня слуховые галлюцинации?

Или ежик, и правда, в моем доме отмудохала двух баб, одна из которых выше ее на полголовы, а вторая тяжелее килограммов на двадцать?

– Так, Миша. Обеспечить Мирославе и Даньке на этой даче охрану, чтобы муха к ним не проскочила. Ингу за территорию не выпускать. Маргарита где сейчас? Да неважно, найти и привезти. Запри обеих, и пусть ждут моего возвращения. Все, я через час вылетаю. И, блядь, в твоих интересах, чтобы к моему приезду эти две раскололись, что там у них произошло.

Отбил звонок и, чувствуя, как меня ведет от злости, размахнулся и врезал кулаком в стену, оставляя на светлой краске кровь из стесанных костяшек.

– Sir, sir, – залопотала на английском подбежавшая ко мне продавщица. Охранник еще активнее забормотал в рацию, сверкая на меня глазами.

– Sorry, – я поднял ладони, показывая, что все в порядке. Вынул кошелек и, вытащив несколько банкнот, сунул их девушке. – Damage compensation.

Вышел из бутика, запрокинул голову и, глядя в слепящее солнце, длинно выдохнул – надо успокоиться. Успокоиться, купить подарок Даньке и лететь домой на разборки с ежиком. Не знаю почему, но чувствую, что по возвращении меня ждет солидная порция ее гнева.

Глава 15

– Мамуль, у меня все хорошо, не волнуйся. Вечером мы в магазин поселковый сходили, купили продукты кое-какие. А сегодня утром на Пехорку сгоняли, искупались и позагорали немного. Вода уже те-еплая така-ая!

– Мирчонок, – в мамином голосе все равно звучала обеспокоенность. – Может мне приехать и помочь тебе с мальчиком? Все-таки чужой ребенок. У тебя же опыта совсем нет. А вдруг он поранится или крапивой ошпарится... Что его родители скажут? Еще не заплатят тебе за работу.

– Заплатят, мамуль, даже не переживай, – уверила я.

Злобно подумала, что Славинов еще и компенсацию должен выплатить. За бои без правил, которые мне пришлось в его доме устраивать...

Честно говоря, вчера я и сама не ожидала, что вмажу этой Инге, а потом оттаскаю за волосы тупую любовницу Славинова.

Просто завтрак нам с Данькой не принесли. Ни в девять тридцать, ни в десять. И горничная, которую я выловила в коридоре, потупив глазки, сообщила, что никаких распоряжений не слышала.

Поэтому велев рыжему сидеть в комнате и не высовываться, я отправилась на поиски экономки. Надо было, конечно, сразу на кухню идти за едой. Но мне не давал покоя рассказ мальчишки про двух взрослых теток, не постеснявшихся унизить ребенка, зная, что он не пойдет никому жаловаться.

В комнате, на которую мне указала одна из горничных, в креслах возле круглого столика сидели две дамочки. Весело болтали и преспокойно пили кофе с пирожными и конфетами.

Одна из них, крепко сбитая пышногрудая брюнетка лет сорока с ярко подведенными глазами, увидев меня, недовольно рявкнула:

– Ты что здесь потеряла?

Вторая, высокая, модельной внешности блондинка с коровьими ресницами, повернулась и оценивающе оглядела меня от стареньких кроссовок до хвоста на макушке. Оценила явно на три с минусом.

– Ищу экономку, – сообщила я, рассматривая их лица, судя по всему, блондинка и есть крокодилиха, олигархова любовница. Ну а крепышка – это ведьма-экономка.

– Я Инга Андреевна, – процедила брюнетка. – Ты кто такая, и почему вошла без стука?

– Меня зовут Мирослава Юрьевна, и я жду объяснений, почему Даниил остался без завтрака, – в упор уставилась на ее сытую рожу. – Похоже, вы совсем не справляетесь со своими обязанностями, Инга Андреевна. Кофеек распиваете с посторонними в рабочее время, вместо того, чтобы делами заниматься. А сын хозяина по вашей вине остался голодным...

– Что-о? – протянула женщина. Уперлась крепкими ладонями в поручни кресла и начала подниматься.

Поднявшись на ноги, взвизгнула:

– Еда ждет его в столовой! Пусть идет и ест.

– Понятно-понятно. Я думала, это старшая горничная не передала вам мое распоряжение. А оказывается, это ваша личная инициатива оставить Даниила Янисовича без завтрака, – брезгливо оглядела бабу, размышляя о том, как хочется врезать ей за то, что довела Даньку до слез.

Поэтому сладко улыбнулась и пропела:

– Обязательно передам его отцу, что вы совершенно некомпетентны. Уверена, после моего рассказа о ваших делишках, Янис Альбертович с удовольствием выпнет вас отсюда под ваш толстый, ленивый зад.

Вот тут эта мырма и кинулась на меня. Ну а я вспомнила боевое детство и с удовольствием заехала ей в глаз. Потом решившую вмешаться крокодилиху от души за волосы отгаскала. И ухо ей накрутила, вспомнив, что она Даньку дергала...

– Мирослава! Ты меня не слушаешь?! – обиженный мамин голос выдернул меня из вчерашнего дня.

– Прости, задумалась, – повинилась я и, привстав на цыпочки, выглянула в окно кухни, где-то там, в кустах жимолости засел младший Славинов. – Что ты говорила, мамуль?

Перешла к другому окну, из которого обзор на заросший сад был получше, и вновь принялась выглядывать Даньку. Наконец, успокоено выдохнула, рыжая макушка торчала уже из кустов малины. Что он там-то делает? До спелой малины еще целый месяц, не ест же он ее зеленую? Бедный, замученный роскошной жизнью ребенок, похоже, он первый раз увидел ягоды, не в упаковке из супермаркета.

Попрощавшись с мамой, открыла окно и позвала:

– Дань, вылезай оттуда! Неси ягоды, которые собрал, и будем блинчики жарить, ты ведь хотел научиться.

– Счас, Мирослава! Еще с другой стороны жимолость соберу и приду, – проорал рыжий в ответ счастливым голосом.

Кусты затряслись и затрещали с такой силой, словно сквозь них начал продираться как минимум средних размеров кабанчик. Или подросток-медвежонок.

Я еще с улыбкой понаблюдала за покоряющим природу рыжим. Вдохнула полной грудью звенящий жаром июньский полуденный воздух. И вдруг запрокинула голову и радостно засмеялась – хорошо-то как! Солнце, гудение пчел, запах зацветающего клевера – все как в детстве. И Данька с его незамутненной детской радостью.

А завтра еще целый день свободы от... от всего. От обязательств, расписания консультаций, тяжких дум, успею ли собрать денег, если вдруг маме экстренно понадобится лечение... От всего, что мучает и словно закрывает собой вот эту прелесть по имени Жизнь.

На столе припадочно затрясся стоявший на виброрежиме телефон.

– Да, – я схватила его и приложила к уху, даже не глянув на номер звонившего.

– Мирослава, – позвал из трубки низкий мужской голос. – Это Арс. Арсений Ковалев, мы с тобой встречались два дня назад в моем ресторане. Здравствуй. Я не отвлекаю тебя от каких-нибудь важных дел?

– Н-нет, не отвлекаете, – ответила, чуть запнувшись, потому что как раз в этот момент напротив дома затормозил знакомый белый «Хаммер», и из его тонированного нутра выбрался Славинов-старший.

В белой футболке, светлых льняных брюках и с татуировками на предплечьях. Еще с прессом, подтянутой задницей и солнцезащитными очками на носу.

– Отлично, – где-то там, в трубке, обрадовался Арс Ковалев. – Хотел узнать твои планы на сегодняшний вечер. Чем занимаешься?

Славинов огляделся и, заметив меня, застывшую у распахнутого окна, неспешно пошел к калитке.

– Ничем не занимаюсь, – ответила Арсению Ковалеву, догадываясь, что через час-другой так и будет – Даньку увезут, и я останусь одна в этом жарком июньском мареве. Нет, останусь с пчелами, солнцем и начавшим цвести клевером. И с речкой Пехоркой, до которой идти двадцать минут по узкой тропинке через лес.

– Отлично! – неведомо чему обрадовался странный Арс Ковалев. Что отличного-то?! Данька ведь опять окажется там, с этими гримзами один на один. А я здесь с пчелами и испеченными блинами.

Славинов остановился у калитки и что-то скомандовал парням, выскочившим из подъехавшего следом черного джипа. Те дружно кивнули и вернулись в машину. А Славинов пошел в мою сторону.

– Тогда приглашаю тебя на свидание. Согласна?

– На свидание? – переспросила я тупо, потому что Славинов уже стоял в двадцати сантиметрах от меня. Положил татуированные предплечья на раму окна, запрокинул голову и уставился, словно никогда до этого меня не видел. – На свидание с тобой?

Перед глазами мелькнула мужская кисть, татуировка на запястье, и мой телефон очутился в руке олигарха. Несколько секунд он внимательно изучал экран. Затем приложил трубку к уху и спокойно произнес:

– Арс, нахуй от моей невесты отвалил, – и сбросил звонок. Положил телефон в свой карман, обхватил ладонью мою шею и потянул к себе, заставляя наклониться.

– На свидание сегодня пойдешь со мной, поняла? – жестко проговорил в мой возмущенно распахнувшийся рот. И жарко, властно, очень собственнически прижался к нему губами.

Глава 16

Янис Славинов

Наверное, зря я ее поцеловал. Однозначно, зря. И не потому, что мне не понравилось, как раз наоборот.

Губы у нее оказались совсем не такими, как я ожидал – очень мягкими, податливыми и терпко-сладкими на вкус. Наверное, это вкус жимолости, плантации которой колосятся возле старенького дачного домика с крашенными зеленой краской рамами.

Мне понравилось. Все понравилось. И то, как она, на мгновение напрягшись, вдруг сдалась. Глухо охнула мне в рот и вцепилась пальцами в мои плечи. Стиснула их и уже не отпускала, пока я исследовал ее рот. И ее юркий язычок, попытавшийся ускользнуть от моего захвата, но передумавший, тоже понравился. И дыхание, сразу зачастившее и начавшее сбиваться, только я обнял ладонью ее затылок.

Она мне вся понравилась в этом спонтанном поцелуе.

И я не знаю, чем бы он закончился. Скорее всего, тем, что я подхватил бы ее и утащил... не знаю... туда, где у нее спальня. Где смог бы стянуть ее ситцевое платишко в наивный цветочек и проверить, носит ли она в такую жару белье. Меня прямо до дрожи в пальцах заинтересовал этот вопрос.

В общем, не отпустил бы ее...

– Папа! Папа! – звонкий Данькин голос полетел в нашу сторону из ягодных зарослей, и ежик словно очнулась. Хлопнула длинными ресницами, возвращая осмысленность взгляду. Фыркнула, дернулась и попыталась оттолкнуть меня.

Отпустил. Напоследок, правда, куснул ее за нижнюю губку, но отпустил. И пока Данька ломился к нам через кусты, смотрел, как ежик прижала к ней пальцы, словно не веря тому, что сейчас произошло. И явно готовилась начать выпускать колючки, про которые случайно позабыла в нашем поцелуе.

– Па-апа-а! – Данька уже налетел на меня. Обхватил тонкими руками, впечатался в живот лицом и затрясся, судорожно дыша.

– Дань, ну привет, – я подхватил его на руки. Стиснул тощие бока, подбросил в воздух дрыгнувшее длинными жеребьячьими ногами тельце и снова прижал к себе.

Никогда, наверное, не перестану так делать. Хотя это и смешно, скорее всего, смотрится со стороны. Все-таки восемь лет уже пацану, не маленький.

Ритка как-то раз увидела наши с Данькой обнимашки и потом полдня меня этим доставала. Складывала губы в толстое надутое колечко и недовольно цедила про «дурацкие телячьи нежности», не соответствующие моему статусу.

Да и похрен. И на статус, и на очередную глупую постельную грелку с ее мнением. Главное, что нам с Данькой нравится.

Хотя психологиня, вон, тоже с интересом смотрит. Задумчиво так. Даже голову к плечу наклонила и рассматривает.

Интересно, она тоже что-нибудь про статус скажет? Нет, эта скорее что-то заумно-научное выдаст. Какую-нибудь теорию о правильном родительстве или свое ценное мнение о моем неправильном отцовстве.

Да и похрен. Хотя нет, на психологиню не похрен. Ее мнение мне почему-то важно.

– Папа, – Данька уже не прижимался, а прыгал вокруг меня. От радости терся о мою белую футболку лицом, оставляя фиолетовые следы ягодного сока, которым перемазан весь с головы до ног.

– Дань, – голос психологини зазвучал подозрительно мягко, – твой папа устал, наверное, с дороги. Давай приглашай его в дом, предложи кваса холодного. Жимолостью угости...

Она вдруг осеклась на полуслове и глянула на меня испуганно и как-то горько:

– Или вы сразу поедете?

– Куда поедет? – мы с Данькой недоуменно переглянулись и дружно уставились на психологиню. Она вроде как смутилась и, поежившись плечами, пояснила:

– Я имею в виду, раз вы уже приехали, то, наверное, сразу заберете Даню, Янис Альбертович? Мои услуги няни ведь больше не нужны...

Я подхватил застывшего испуганным сусликом Даньку. Перевернул его, счастливо захотавшего, вверх ногами и тоже засмеялся:

– Давай, Даниил, веди меня в дом и угощай вашим квасом. А то я, и правда, пить хочу.

И уже повернувшись к крыльцу вслед за тянущим меня за руку и сияющим, словно золотой алтын, сыном, подмигнул застывшей в окне Мирославе:

– Нет уж, уважаемая няня, ваша работа еще не закончена. Только теперь у вас будет два подопечных. Я тут подумал и решил, что давно не отдыхал на даче. Соскучился... по жимолости и деревенскому воздуху.

Усмехнулся и, глядя в ее потрясенные глаза, спросил:

– Найдешь для меня спальное место?

Глава 17

Он, и правда, остался на моей даче. В старом, еще дедушкой построенном доме с разошедшимися полами, древней мебелью и заросшим садом под окнами. И ничего, никто не умер... Ни олигарх от отсутствия комфорта, ни я от удивления. Только от смущения чуть не умерла.

Однако Славинов, лично загоняя свой здоровый «Хаммер» на участок и собственно-ручно перетаскивая из машины в дом пакеты с едой и вещами, выглядел удивительно естественно. Гармонично даже... Будто эти шесть соток в старом дачном кооперативе и есть его обычная среда обитания. Они, а вовсе не пентхаусы, огромные усадьбы и дорогие рестораны. Интересно, как у него получается везде смотреться, словно он у себя дома?

И даже когда расположился за столом на кухне и принялся пить чай из старой, чуть шероховатой чашки, который ему налил хозяйственный Данька, Славинов смотрелся... нормальным. Адекватным.

Я же, чувствуя неловкость от его присутствия и стараясь не думать о нашем недавнем поцелуе, принялась печь блины. Рыжий не дал увильнуть от обещанного ему блинного мастер-класса.

Так что выдала Даньке длинный, почти до колен фартук и принялась разводить тесто. Попутно рассказывала технологию и показывала мальчишке, как отмерять и смешивать ингредиенты. И изо всех сил пыталась не обращать внимания на устремленный на меня взгляд его отца.

Когда блины были готовы, я чувствовала себя словно выжатый лимон, а Славинов-старший все также сидел и не спускал с меня взгляд своих холодных светлых глаз. Один Данька сиял от удовольствия и прыгал вокруг отца, словно счастливый щенок.

Потом мы сели обедать. И хотя блины наши были местами сырыми, местами подгорелыми и везде кривобокими, олигарх их мужественно ел. Нахваливал меня и Даньку и даже не морщился. Ну что же, господин Славинов, еще один плюсики вам в отцовскую карму...

Поздно вечером, когда за окнами уже совсем стемнело, я сидела на диване в комнате на первом этаже, выполнявшей роль и гостиной, и спальни.

Прислушивалась к звукам со второго этажа, где олигарх перед сном читал книжку Даньке, и думала о том, что если все то, что я видела сегодня – не спектакль для меня, то Янис Славинов не такой уж и плохой отец. Я бы даже сказала хороший. Лучше многих, кого я знала...

Дима позвонил как раз в тот момент, когда я мысленно ставила Славинову твердую четверку в графе «Отец».

– Мирослава, уверен, за эти дни ты все осознала и обдумала, – его голос в телефоне звучал торжественно и очень уверенно.

Я подложила под спину подушку в плотной гобеленовой наволочке, закинула ноги на диван и покосилась на висевшие на стене часы. Старые, еще с советских времен, они до сих пор безупречно отсчитывали время, требуя только регулярной замены батареек. Сейчас часы показали десять вечера, немыслимо позднее для Димы и его звонков время.

– А почему ты еще не спишь? – осторожно поинтересовалась, памятуя о его режиме сна и бодрствования, за которым он тщательно следил. – Тебе ведь завтра на работу.

– Мирослава, ради твоего спокойствия я могу лечь спать позже нормы, – одарил меня заботой Дима. – Я ждал, что ты мне позвонишь и извинишься, но потом вспомнил, что о таких вещах ты никогда не догадываешься. Но знай, я готов тебя простить.

Я поерзала попой по дивану, почесала нос и подняла глаза к потолку, обдумывая сложный Димин заход. Поняла, что ничего не поняла и уточнила:

– Ты меня прощаешь? За что, позволь узнать?

– За то, что ты плохо старалась делать то, что я жду от своей женщины. Еще не прощаю, но готов к этому! – поправил меня любящий точность Дима. – Уверен, сейчас ты все поняла и готова исправиться, Мирослава. В общем, на завтра я взял выходной на работе. Специально, чтобы мы с тобой провели этот день вместе. Поедем к тебе на дачу и окончательно закрепим наше примирение диким сексом.

Заскрипела лестница на второй этаж, и оттуда начал спускаться олигарх Славинов. Свободные джинсы, черная футболка, татуировки... Я смотрела, как он идет, пригибаясь, потому что не вписывался в низкий лестничный проем, и думала, что в мужчинах разбираюсь еще хуже, чем в квантовой физике. А в ней я не разбираюсь вовсе.

Славинов, которому я в лицо выкрикивала обвинения в том, что он не интересуется своим сыном, вдруг совершенно неожиданно оказался любящим и любимым отцом.

Зато Дима, с которым я целый год строила отношения, и казавшийся вполне адекватным и пригодным для совместной жизни, сейчас нес какую-то пургу о моем прощении и обещал «дикий секс».

Какой «дикий», когда у нас даже до обычного доходило через два раза на третий? И то, если его начало было не позже девяти вечера, иначе Дима мог не выспаться. А бред про «прощение» и «исправление» я вообще пропустила мимо сознания...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.